

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Покойник просит удалить отзыв

Протоколы бытового колдовства

— Книга 4 —

18+

Иронический мистический детектив

Виктор Алеветдинов

**Покойник просит удалить
отзыв. Книга 4. Протоколы
бытового колдовства**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Покойник просит удалить отзыв. Книга 4. Протоколы бытового колдовства / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Сергей Назаров умер месяц назад. Сегодня его профиль ставит семейному кафе одну звезду: «Не удаляйте свидетельство». Марина Белова нажимает «Удалить» — и медовик портится, свидетели забывают разговор с Сергеем, а отзыв возвращается с новой фразой: «Убийца работает здесь». В дело вступают Анна и Лев Зорины из Отдела последствий чудес. Взлом, подделка, семейные тайны или посмертный отклик? Чем глубже проверка, тем яснее: за хорошим именем кафе кто-то давно прячет неудобную правду. Но сохранить отзыв — значит поставить под удар бизнес, работников и семью. Удалить — рискнуть потерять само свидетельство о том, что произошло. Кто на самом деле пытался заставить Сергея замолчать — и почему даже после смерти его предупреждение отказывается исчезать? «Покойник просит удалить отзыв» — четвёртое самостоятельное расследование серии «Протоколы бытового колдовства»: мистический детектив о репутации, семейных секретах, ответственности и правде, которую невозможно стереть.

Содержание

Глава 1. Одна звезда после смерти	5
Глава 2. Невозможный отзыв	9
Глава 3. Вторая фраза в меню	14
Глава 4. До открытия	19
Глава 5. Семейная легенда	25
Глава 6. Семнадцать минут	30
Глава 7. Вход из пустой квартиры	35
Глава 8. Седьмая ложка	40
Глава 9. Разговор без памяти	45
Глава 10. Племянница с паролем	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Покойник просит удалить отзыв. Книга

4. Протоколы бытового колдовства

Глава 1. Одна звезда после смерти

Крем для медовика расслоился за десять минут до открытия. Марина сняла плёнку с гастрорёмкости и увидела, что гладкая белая масса собралась комками, а по краю выступила сыворотка. Холодильник показывал четыре градуса, сметану привезли вчера. Руслан постучал ложкой о край миски, словно ждал от крема письменного объяснения.

— Ещё раз, — сказала Марина.

— Это уже второй раз.

— Тогда третий будет удачным.

Руслан посмотрел на неё поверх очков.

— Я повар, а не человек, который договаривается с молочными продуктами.

На стойке у кассы звякнул планшет. Марина вытерла руки о фартук и вышла в зал. Уведомление от «Лика» лежало поверх экрана крупной белой карточкой: новый отзыв, одна звезда. В другое утро она бы открыла его после проверки витрины. Сейчас имя автора заставило её остановиться: Сергей Назаров.

Месяц назад Марина сама заказала венок. Сергей много лет поставлял кафе ореховую пасту и пил чай у окна. После его смерти в профиле остались фотография, даты жизни и серый значок цифрового наследства. Писать отзывы оттуда было нельзя.

Текст состоял из четырёх строк: «Вы заменили продукт и не предупредили. Я говорил об этом в зале. Плохой отзыв не становится ложью, если его удалить. Не удаляйте свидетельство». Марина перечитала дважды, но смысл не прояснился.

Из кабинета вышел Павел, уже в пиджаке и с телефоном у уха. С детства он входил в помещение так, будто его ждали для окончательного решения. Семейному кафе это обычно помогало.

Павел велел удалить отзыв до открытия. Марина напонила, что Сергей умер, но брат уже рассматривал экран как обычную поломку: взломанный профиль, ошибка сервиса, чужая выходка. Любая версия его устраивала, если к девяти карточка кафе снова выглядела прилично.

— Может, сначала выясним, как он это написал?

— Выясним после. Покойники медовиком недовольны быть не могут, а живые гости вполне.

Марина взяла планшет обратно. Под именем Сергея теперь стояли три звёзды.

— Была одна.

— Пять, — ответил Павел.

— Что пять?

Он показал свой телефон. В карточке кафе светились пять жёлтых звёзд, а текст оставался тем же.

— У меня две. Можно открыть кафе по среднему значению, — сообщил Руслан, выглянув из кухни с миской.

Павел не улыбнулся и убрал телефон в карман.

— Руслан, у нас медовик готов?

— Коржи готовы. Крем занимается личной жизнью.

— Сделай другой.

— Уже сделал. Он выбрал ту же судьбу.

Марина вернулась на кухню. Крем из новой упаковки расслоился так же: сыворотка выступила по краю, хотя смесь была холоднее первой. Руслан положил рядом термометр, открыл журнал и сообщил, что занесёт обе партии в списание. Марина велела пока ничего не фиксировать: медовик убрать, рабочую поверхность вымыть, для витрины приготовить другой десерт. Повар перестал листать страницы.

— Крем испортился сейчас. Акт тоже нужен сейчас.

Павел встал в дверях и упёрся ладонью в косяк. Внутренний документ о неудаче кухни в утро появления отзыва он считал подарком любому проверяющему.

Руслан перевёл взгляд на Марину. Ему явно хотелось услышать от неё другое. Она понимала, что надо разрешить запись, поставить витрину на паузу и проверить продукты. Вместо этого представила пустой зал, отменённую бронь и сотрудников, которым через неделю платить аванс.

Марина велела убрать обе ёмкости без акта. Руслан закрыл журнал спокойно, но прежней готовности объяснять и предлагать уже не было. Марина знала, чего он ждёт: номера упаковок, времени замеса и её подписи под решением. Так работала кухня, когда владельцы не мешали ей быть кухней. Сегодня она сама выбрала удобную пустоту в журнале.

— Хорошо, Марина Викторовна.

Он называл её по имени и отчеству только в двух случаях: при посторонних и когда переставал считать собеседника своим человеком. Марина хотела исправить фразу, но планшет звякнул. Отзыв поднялся на первое место без единой отметки читателей.

Павел протянул руку, но Марина прижала планшет к фартуку.

— Дай сюда.

— Я сама.

Кнопка удаления находилась под тремя точками. «Причина: публикация из профиля умершего пользователя». Формулировка выглядела настолько разумной, что Марина почти успокоилась. Она подтвердила действие, ввела код владельца и увидела сообщение: «Отзыв удалён. Изменения могут отображаться с задержкой».

Павел прошёл к входной двери и перевернул табличку на «Открыто». За окном уже ждали первые гости.

Первой вошла Валентина Петровна из соседнего дома. Она считала стол у окна своей недвижимостью, хотя оплачивала только капучино, и заметила пустое место в витрине.

— А медовик где?

— Взял выходной, — сказала Марина. — Внезапно понял, что достоин большего.

— Главное, чтобы не открыл своё кафе напротив.

Валентина Петровна заметила планшет в руках Марины.

— Опять про Серёжу написали?

— Почему опять?

— Он сам говорил, что напишет. Тогда, перед больницей.

Марина села напротив неё и отодвинула вазочку с сахаром.

— Что именно он говорил?

— Про вашу замену. Сидел вот здесь, сердился, салфетку порвал. Сказал, что предупредал... — Валентина Петровна нахмурилась. — Кого предупреждал?

— Меня? Павла? Руслана?

— Тебя он ждал. А говорил... сейчас.

Марина помнила тот день кусками. Павел увёл Сергея от витрины, позже приехала скорая. Ей сказали, что плохо ему стало после ухода, и она не стала уточнять.

— Он назвал продукт? — спросила Марина.

— Конечно. Что-то ореховое. Или не ореховое. Он ещё просил... — Валентина Петровна открыла глаза и растерянно усмехнулась. — Мариш, я помню, как он ругал ваши новые салфетки и как у него оторвалась пуговица. А о чём говорил, не помню.

— Вы только что сказали про замену.

— Какую замену?

Марина придвинула к ней планшет. Отзыв исчез из карточки кафе. Осталась общая оценка и ответ владельца на прошлогоднюю жалобу о музыке.

Марина объяснила, что минуту назад здесь был текст Сергея. Валентина Петровна посмотрела на пустой экран, напредила, что Серёжа умер месяц назад, и спросила, зачем ей показывают карточку без отзыва.

Павел подошёл с кассовым терминалом, словно разговор касался скидочной карты.

— Валентина Петровна, вам как обычно?

— Как обычно. И не смотри на меня так, Паша. Я старая, но ещё не настолько, чтобы забыть капучино.

— Никто так не думает.

Она ушла к столику. Павел наклонился к Марине.

Он велел не раздувать обычный провал памяти. По его версии, Марина сама подсказала Валентине Петровне нужное слово, а теперь собиралась соединить забывчивость с кремом. Ещё немного — и у кафе появится проклятый медовик, который журналисты будут снимать охотнее, чем меню.

— Она забыла только предупреждение, — сказала Марина.

Марина открыла корзину удалённых публикаций. Отзыв лежал там, но текст изменился. Было две строки: «Вы заменили продукт. Скоро я назову того, кто это сделал».

— Павел.

— Что ещё?

Она повернула экран. Брат прочитал и на секунду прижал губы. Вернул себе привычное выражение человека, которому принесли проблему подходящего размера.

— Удалить окончательно.

— Нет.

Павел напомнил про полную смену и бронь. Закрывать зал из-за сообщения, которое мёртвый человек не мог отправить, он считал безумием. Марина ответила, что именно поэтому не нажмёт кнопку второй раз. Ей требовалось понять, почему Валентина Петровна лишилась одного конкретного разговора.

— Тогда сорок минут нам не повредят.

Марина прошла к двери, сняла табличку и повернула замок. Двое мужчин, уже взявшихся за ручку снаружи, недовольно посмотрели на неё. Она показала на лист с режимом работы и добавила от руки: «Технический перерыв до 10:00».

Павел спросил, действительно ли она закрыла кафе. Марина показала на время в объявлении.

— У нас нет сорока минут.

— Теперь есть.

Марина не стала смягчать решение. Брат достал телефон и отошёл к окну. Она отменила приём новых заказов на кассе и вернула Валентине Петровне деньги за капучино. Та отказалась, зато потребовала оставить чашку: технический перерыв, по её мнению, не отменял приготовленный кофе.

Руслан подошёл к раздаточному столу и положил рядом журнал.

— Акт всё-таки нужен?

— Нужен. Только не по крему. Пока сохрани обе ёмкости и упаковки.

— Пять минут назад вы велели всё выбросить.

— Я ошиблась.

Руслан не смягчился, но кивнул.

— Запишу время.

Марина набрала номер Отдела последствий чудес. В справочнике он назывался группой по сложным цифровым конфликтам, что звучало достаточно скучно для доверия. После третьего вопроса женщина на линии велела больше ничего не удалять.

Анна Зорина приехала в девять тридцать две с Львом. Она достала бумажный блокнот и осмотрела планшет, затем обе ёмкости с кремом.

Марина назвала произошедшее технической аномалией и попросила удалить публикацию из профиля умершего. Анна уточнила последовательность: крем расслоился до удаления, текст изменился после, затем Валентина Петровна забыла разговор. Время она записала и подчеркнула.

— Покажите исходный текст.

— У меня нет снимка.

Руслан поставил журнал на стол так, что звякнули ложки.

— Потому что нам запретили фиксировать всё, что портит настроение владельцам.

— Руслан, — сказала Марина.

— Я указал факт. Настроение в журнал не вносил.

Лев открыл карточку кафе и обнаружил четыре звёзды. Марина сказала, что утром была одна, Павел видел пять, а Руслан — две.

— Очень щедрый покойник, — заметил Лев.

Анна потребовала телефон и велела не обновлять страницу. Лев возразил, что только посмотрел.

— Именно с этого обычно начинается обновление.

Павел вернулся от окна и спросил, уберут ли отзыв до десяти. Анна ответила, что сначала установит доступ к профилю. Удаление не могло быть целью, пока после него менялись показания людей. Павел назвал это домysлом и возмущился, когда Анна попросила Валентину Петровну записать воспоминание.

— Опыт уже провели без нас, когда нажали кнопку, — сказала Анна.

Марина увидела свою фамилию под командой удаления и впервые подумала, что аномалия могла начаться не с Сергея.

Анна велела убрать крем в отдельный холодильник и подписать упаковки. Павел напомнил, что это кухня, а не место преступления. Анна ответила, что место определит полиция, а пока два замеса испортились без понятной причины.

Валентина Петровна согласилась записать воспоминание, но дошла до слов «Сергей сидел у окна» и остановилась. Ручка застыла над листом.

— Дальше пусто, — сказала она. — Очень неприятная пустота. Будто разговор был, а мне оставили только стул.

Анна забрала лист и сверила время удаления с кассой. Павел звонил юристу, а Руслан подписывал упаковки крупными буквами, чтобы ленту не приняли за украшение.

В девять пятьдесят восемь кассовый планшет включился сам. Экран погас, показал логотип «Ли́ка» и открыл карточку кафе. Общая оценка исчезла. Вместо неё появилась одна чёрная звезда, под которой печаталась строка, буква за буквой.

Марина прочитала первой: «Убийца работает здесь». Анна закрыла входную дверь на второй замок и перевернула лист с техническим перерывом чистой стороной наружу.

Глава 2. Невозможный отзыв

Павел Белов положил на металлический стол у служебного входа четыре листа и прижал их связкой ключей. За дверью разгружали ящики с молоком, курьер требовал подпись, а совладелец кафе предлагал начать расследование с соглашения о конфиденциальности.

— Здесь стандартные условия, — сказал он. — Ничего сложного.

Анна пробежала глазами первую страницу. По условиям ОПЧ не мог сообщать третьим лицам даже о существовании обращения, а любые копии следовало передать владельцам кафе после завершения работ. Внизу стояли фамилии Павла и Марины.

— У вас странное представление о стандартных условиях.

— У нас семейный бизнес. Одна неосторожная фраза — и двадцать человек остаются без работы.

— Пока одна неосторожная фраза лишила посетительницу части памяти.

Павел поправил листы, словно Анна просто не заметила удачный пункт.

— Вы сами сказали, что это ещё не установлено.

— Поэтому я ничего не подпишу.

Марина стояла у двери в кухню и следила за разговором с выражением хозяйки, которой в собственном помещении предложили снять обувь. На ней остался фартук, хотя зал был закрыт.

— Мы вызвали вас удалить техническую аномалию, — сказала Марина. — Не устраивать проверку бизнеса.

— Вы вызвали нас после того, как умерший написал отзыв, крем испортился дважды, а свидетельница забыла содержание разговора. Техническая аномалия уже устроила проверку. Я только пришла позже.

Лев вернулся с небольшим чемоданом ОПЧ и бумажным пакетом из машины. Павел посмотрел на пакет настороженнее, чем на оборудование.

— Что там?

— Завтрак, — ответил Лев. — Его пока никто не обвинял.

Анна забрала чемодан. Внутри были автономная камера, принтер и запечатанные накопители. Она поставила камеру на полку напротив кассы, проверила дату и отключила беспроводную связь.

— Мне нужен доступ к планшету, маршрутизатору, журналу входов в аккаунт и обеим упаковкам смеси, — сказала она.

— Кухня работает по санитарным правилам, — вмешалась Марина. — Посторонние туда не проходят.

— Тогда Руслан вынесет упаковки сам. Кухню я не осматриваю без отдельного основания.

Павел хотел что-то добавить, но Анна подняла ладонь.

— И ещё. До нашего решения ничего не удалять, не редактировать и не отправлять в службу поддержки с просьбой очистить архив.

— Архив принадлежит кафе, — сказал Павел.

— Отзыв уже повлиял на память человека. Это материал проверки.

— Вы не полиция.

— Верно. Поэтому я не изымаю ваши устройства и не запрещаю вам уйти. Я фиксирую невозможный факт. Если найдём признаки обычного преступления, материалы получит полиция.

Листы соглашения остались на столе. Павел забрал ключи, но бумагу не тронул, а Анна отметила в блокноте отказ от подписи. Марина заметила запись.

— Это обязательно?

— Сегодня — да.

В зал они вернулись через кухонный коридор. Руслан выставил на отдельный стол две закрытые ёмкости и упаковки ореховой смеси. На малярной ленте были время замеса и его подпись. Рядом лежал журнал, открытый на сегодняшней дате. Строка о креме появилась после приезда ОПЧ; Руслан честно указал время фактической записи.

Марина прочитала и поджала губы.

— Можно было без комментария про запрет владельца.

— Нельзя, — ответил Руслан. — Запрет был.

Анна не вмешалась. За десять минут она получила больше сведений об устройстве кафе, чем из любой презентации семейного бренда.

Кассовый планшет лежал на выключенном терминале. На экране оставалась чёрная звезда и строка об убийце. Анна сняла общий план автономной камерой, затем открыла карточку кафе на своём телефоне. У неё отобразились три звёзды.

— Лев?

Он показал свой экран.

— Одна.

Марина открыла приложение и побледнела.

— Пять. И текст другой.

У неё под именем Сергея было написано: «Я предупреждал о замене. Вы решили, что плохой отзыв не считается правдой». На телефоне Анны сохранилась фраза «Убийца работает здесь». У Льва карточка сообщала только: «Не удаляйте свидетельство».

Павел достал телефон.

— У меня отзыва нет.

— Пока не обновляйте, — сказала Анна.

— Почему?

— Потому что четыре устройства уже дают четыре версии. Пятое сейчас полезнее в исходном состоянии.

Павел всё же провёл пальцем по экрану. Карточка обновилась и показала две звёзды.

— Поздравляю, — сказал Лев. — Ваше мнение учтено даже без вашего участия.

Анна подключила автономную камеру к маленькому экрану. На записи планшет был виден хорошо, но карточка кафе оставалась пустой.

— Она сняла не тот момент, — сказала Марина.

Анна перемотала запись. На экране планшета в кадре открылось обычное меню кассовой программы. Никакой звёзды и текста.

— Камера не подключена к сети и не пользуется аккаунтом, — объяснила Анна. — Она видит только свет с экрана. По крайней мере, должна.

— Значит, неисправна камера, — сказал Павел.

Лев посмотрел на него.

— Очень удачно. У вас сломались крем, память посетительницы, пять телефонов и наша камера. Осталось проверить, не притворяется ли стул.

Анна подключила планшет к переносному принтеру через кабель. Цифровую копию она сохранила на двух накопителях, один запечатала при Марине. Затем распечатала карточку. Принтер выпустил лист с серым заголовком, именем Сергея и одной звездой. Текст совпадал с первой версией, которую Марина помнила с утра: про заменённый продукт и просьбу не удалять свидетельство.

— Вот, — сказала Марина. — Значит, исходник сохранился.

— Или печать получила ещё одну версию.

Анна подписала время и попросила Марину поставить подпись рядом. Та согласилась после короткой паузы. Павел отказался.

- Я не подтверждаю подлинность сообщения покойника.
- Подпись подтверждает, что лист вышел из принтера в вашем присутствии.
- Формулировка всё равно создаёт впечатление.
- Бумага редко заботится о впечатлении. За это я её и люблю.

На нижнем поле листа оставалось свободное место. Анна убрала распечатку в прозрачный файл и повернулась к Марине.

— Теперь мне нужны отдельные разговоры с персоналом. Лев начнёт с зала, я проверю доступы и поставки.

- Сотрудники не обязаны разговаривать без владельца, — сказала Марина.
- Не обязаны. И вы не обязаны стоять рядом.
- Они могут неправильно понять вопросы.
- Тогда у них появится редкая возможность ответить своими словами.

Марина посмотрела на брата, но Павел изучал телефон.

Лев взял бумажный пакет и направился к кухонному коридору.

- Там булочки? — спросила Марина.
- Две. Остальное — профессиональная тайна.

Несколько работников уже ждали у раздевалки. Марина хотела пойти следом, но Анна остановила её.

- Пусть он поговорит один.
- Вы отстраняете меня от моих сотрудников?
- Я даю им возможность не угадывать правильный ответ по вашему лицу.

Марина резко сняла фартук и положила его на стойку. На ткани осталась полоска муки.

- Вы пришли двадцать минут назад и уже решили, что мы все лжём.
- Я решила, что вы защищаете кафе. Вопрос в том, что именно вы готовы не заметить ради защиты.

Марина отвернулась. Анна не стала продолжать: дальше ответы стали бы аккуратными и бесполезными.

Валентина Петровна сидела у окна с остывшим капучино. Она отказалась уходить, потому что уже заплатила и не собиралась уступать техническому перерыву лучший стол. Перед ней лежал лист со словами: «Сергей сидел у окна».

Анна села напротив и включила обычный диктофон. Валентина Петровна сразу посмотрела на устройство.

- Это для памяти?
- Для моей. Вашу пока оставим в покое.
- Правильно. Моя сегодня капризная.

Анна начала с простого. Валентина назвала блюдо Сергея, вспомнила чай без лимона и лишний десерт в счёте.

- Когда Сергей заговорил о продукте?
- После счёта. Он увидел Павла и позвал его.
- Что было дальше?

Валентина сжала чашку обеими руками.

- Дальше у меня провал. Потом Сергей стоял у двери, ему было плохо.
- Сколько прошло времени?
- Минуты. Может, пять.

Анна сверилась с кассовым журналом. Счёт Сергея закрыли в четырнадцать тридцать две. Первый вызов скорой в выгрузке с телефона кафе значился в четырнадцать сорок девять. Семнадцать минут, о которых Валентина не могла рассказать.

Павел подошёл со стороны стойки.

— Не надо раздувать плохой отзыв. Человеку стало плохо, скорая приехала, врачи сделали всё возможное.

Валентина вздрогнула и посмотрела на Анну.

— Простите, а почему вы спрашиваете про Серёжу?

— Мы только что обсуждали его счёт.

— Какой счёт?

— Чай без лимона. Лишний десерт.

— Он всегда пил с лимоном, — уверенно сказала Валентина. — Или без? Нет, я не помню.

Анна выключила диктофон и закрыла блокнот.

— Повторите фразу, — попросила Анна.

— Какую?

— Про плохой отзыв.

— Я сказал, что не надо раздувать обычную жалобу.

Валентина Петровна нахмурилась.

— Жалобу на что?

Анна встала.

— Павел, отойдите от стола.

— Вы не можете командовать мной в моём кафе.

— Могу попросить. Если останетесь, беседа закончится.

Марина подошла к брату и тихо сказала:

— Паш, дай ей пять минут.

Он ушёл к кассе, но перед этим посмотрел на Валентину так, словно та подвела семью случайной забывчивостью.

Анна снова села. Женщина напротив устала и уже боялась следующего вопроса.

— Мы остановимся, — сказала она. — Вам не нужно ничего вспоминать сейчас.

— Но я же знала.

— Знали. И успели назвать время счёта. Этого достаточно.

— Я не называла время.

— Оно есть в кассе.

Анна убрала диктофон. Продолжать было нельзя.

Лев вернулся из коридора и поставил на соседний стол стакан воды.

— Руслан согласился показать накладные. Остальные поговорят, если владельцев не будет рядом.

— Хорошо. Побудь с Валентиной Петровной.

Он сел без вопросов. Анна коротко объяснила, что повтор фразы о плохом отзыве усилил провал. Лев не стал просить женщину восстановить разговор. Он спросил, помнит ли она, во сколько пришла и какой автобус задержался у переулка. Валентина ответила сразу. Скоро она уже возмущалась новым расписанием и выглядела увереннее.

Марина наблюдала из-за стойки. Когда Анна подошла, она заговорила первой:

— Павел не мог знать, что его слова так действуют.

— Я пока не утверждаю, что мог.

— Но вы записали.

— Потому что это произошло.

— Вы всё превращаете в улику.

— Только то, что меняет положение.

Марина провела ладонью по фартуку и вспомнила, что сняла его. Жест оборвался.

— Что теперь?

Анна открыла блокнот на чистой странице.

— Три обычные версии. Первая: профиль Сергея взломали ради давления на кафе. Вторая: был пищевой инцидент, а отзыв связан с реальной заменой продукта. Третья: вас травят конкуренты, используя смерть поставщика. Проверим каждую.

— А убийца?

— Пока это слово на экране. Не вывод.

— А ваша невозможная версия?

— Удаление сообщения связано с направленной потерей памяти. Это рабочая гипотеза, а не разрешение перестать проверять людей, продукты и доступы.

Марина кивнула неохотно. Доверия не прибавилось, но она перестала требовать немедленного удаления.

Анна вернулась к столу с оборудованием. Прозрачный файл с распечаткой лежал под камерой. На нижнем поле, которое десять минут назад было пустым, проступили серые буквы. Чернила темнели медленно, хотя принтер давно отключили.

Она вынула лист за край и позвала Льва. Марина подошла вместе с ним. Павел остался у кассы, но обернулся, когда Анна прочитала новую строку:

— «Спросите, сколько минут ждали».

Анна посмотрела на запись в блокноте: четырнадцать тридцать две — четырнадцать сорок девять. Семнадцать минут теперь были не пробелом в памяти, а первым вопросом, на который в кафе никто не хотел отвечать.

Глава 3. Вторая фраза в меню

Руслан поставил перед Львом три баночки с ореховой пастой и заявил, что две из них нормальные. Третью он называл экономичной: на кухне плохие слова быстро превращались в объяснительные.

— Это качество продукта или вашего рассказа? — спросил Лев.

Руслан посмотрел на дверь. За матовым стеклом стоял Павел. Он не входил, но и не уходил, изображая человека, который случайно задержался возле служебной беседы на двенадцать минут.

— Смесь дешевле прежней, — сказал повар. — В работе капризнее. Если температура выше нормы, крем может поплыть.

— Сегодня температура была нормальной?

— Четыре градуса. Я дважды проверил.

Лев открыл первую банку. Паста пахла жареным фундуком и чем-то сладким, похожим на карамель. Во второй запах был слабее. Третья отличалась цветом: чуть светлее, с масляным блеском у края. На этикетке стояла дата поставки и внутренний код 17-Б.

— Сергей Назаров привозил прежнюю смесь?

Руслан провёл пальцем по крышке.

— Он не только привозил — делал её под нас. Потом Павел нашёл другого поставщика.

— Когда?

— Весной. Сергей тогда уже болел, срывал сроки. Нам нужен был стабильный объём.

За дверью Павел кашлянул. Руслан закрыл банку сильнее, чем требовалось.

— Вы говорите за себя или за него? — спросил Лев.

— Я говорю, как было.

Вторая фраза пришла не голосом Руслана. Она легла поверх обычной речи, будто за сказанным оставили ещё одну строку: пока никто не проверяет, что именно было.

Лев не записал её. Анна требовала отделять услышанное от факта. Сегодня за словами персонала тянулись оговорки. Официантка повторила слоган и добавила невысказанное: если гость не заметит. У бариста вышло: пока решение принимает Павел. У Руслана всё упиралось в проверку.

На стене возле раздаточного окна висела деревянная табличка: «Семь ложек. Мы никогда не экономим на гостях». Буквы были выжжены аккуратно, однако слово «никогда» потемнело, словно его провели паяльником второй раз.

— Это ваш девиз? — спросил Лев.

— Один из двух. В меню ещё написано: «Семейная традиция не ошибается».

— А если ошибается?

— Виноват тот, кто от неё отступил. Для владельца удобно, для повара — не очень.

Павел открыл дверь и напомнил, что каждый час закрытого зала стоит денег.

— Мы только начали, — ответил Лев.

Павел вошёл и положил на стол новую распечатку меню. На первой странице красовалась фотография медовика: семь коржей, светлый крем и ореховая прослойка. Под названием стояла фраза о семейной традиции.

— Вот утверждённая рецептура, — сказал Павел. — Никаких тайных замен. Все продукты сертифицированы.

— Я просил старую рецептурную книгу и список поставщиков.

— Старые записи не относятся к сегодняшнему крему.

— Сергей относится.

Павел посмотрел на Руслана.

— Он спросил, — сказал повар.

— Здесь нет тайн, — отрезал Павел.

Вторая фраза Павла прозвучала короче остальных: пока я решаю, что считать тайной.

Лев поднял глаза. Павел уже смотрел на него, внимательно и без прежнего раздражения. Он словно заметил момент, когда Лев перестал слушать слова и задержался на том, что шло следом.

— Вам нехорошо? — спросил Павел.

— Мне не нравится меню. Диагноз недорогой.

Лев провёл пальцем по строке под фотографией. «Семейная традиция не ошибается». На его глазах последние буквы дрогнули. Слово «ошибается» побледнело, а вместо него проступило «отвечает».

«Семейная традиция не отвечает».

— Руслан, прочитайте, — попросил Лев.

Повар наклонился.

— «Не ошибается».

— Павел?

— То же самое.

Лев достал телефон и сфотографировал страницу. На снимке было написано «не отвечает». Он показал снимок Руслану, но тот по-прежнему прочитал «не ошибается».

— Текст изменился только для меня, — сказал Лев.

— Тогда проблема не в кафе, — заметил Павел.

— Спасибо за поддержку.

Руслан забрал меню и поднёс ближе к лампе. На бумаге проступил жирный отпечаток пальца, но фраза для него не изменилась.

Из кухни донёсся звон миски. Молодая кондитер Лена принесла небольшой пробный корж и поставила на стол крем, взбитый без ореховой пасты. Масса была гладкой, держала след венчика.

— Я сделала базовый, — сказала она. — С ним всё нормально.

Руслан взял ложку и добавил немного смеси из банки 17-Б. Крем сохранил форму. Он вмешал пасту несколькими движениями и показал Льву.

— Видите? Работает.

Павел скрестил руки.

— Значит, утром была ошибка.

Руслан накрыл миску плёнкой.

— Мы никогда не экономим на гостях, — произнёс он с подчёркнутым терпением.

Крем осел в центре. По краю выступила мутная жидкость, а через несколько секунд вся масса расслоилась, хотя миска оставалась холодной.

Лена отступила.

— Я ничего не делала.

— Это понятно, — сказал Руслан. — Я тоже уже мечтаю ничего не делать. Похоже, единственный безопасный рецепт.

Павел снял плёнку и объявил смесь испорченной.

— Пять минут назад она была сертифицирована, — напомнил Лев.

Руслан потянулся за журналом, но Павел велел сначала проверить другую банку.

— Запись не мешает проверке, — сказал повар.

— Формулировка может навредить.

— Крему?

Павел посмотрел на него, и улыбка исчезла.

Слоган распался на условия: пока гость не знает, пока жалоба не стала публичной, пока продукт можно заменить. Поверх них удерживалась фраза: меня не слышали.

Лев взял распечатку архивного отзыва. После появления вопроса о минутах Анна сделала две бумажные копии. Сейчас строки начали светлеть. Сначала исчезло слово «заменяли», потом побледнела просьба не удалять свидетельство.

— Сергей Назаров предупреждал вас, — сказал Лев.

Павел вздохнул.

— Мы это уже обсуждали.

— Нет. Вы объяснили, почему его предупреждение не стоило раздувать. Это другое.

Текст на листе остановился.

Руслан посмотрел на распечатку.

— Он говорил про смесь?

— Я не знаю, — ответил Лев. — Но вы его не слышали.

Исчезнувшее слово вернулось. Чернила проступили неровно, будто принтер допечатывал строку с большого расстояния.

Лена перекрестилась и сразу спрятала руку за спину.

Павел забрал бы лист, если бы Лев не отодвинул его.

— Не трогайте.

— Это документ моего кафе.

— Копия отзыва Сергея. Оригинал Анна опечатала. Право собственности обсудите с ней.

Павел не стал настаивать. Вместо этого повернулся к Руслану.

— Сотрудникам пора вернуться к работе.

— Зал закрыт, — повторил повар.

— Доставка открыта.

— Из чего готовить медовик?

— Из нормальной партии.

Руслан кивнул на три банки.

— Покажите, какая нормальная.

Павел задержался всего на секунду, но Лев успел это заметить.

— Проверяйте по документам.

— Документы крем не держат.

— Руслан, хватит.

Повар опустил голову. Ещё один нажим заставил бы его замолчать.

— Мне нужна старая книга рецептов. Хочу сравнить состав и понять, когда исчезла фамилия Сергея.

— Фамилия не входила в рецепт, — ответил Павел.

— В меню входила, — сказал Руслан. — Под медовиком было: «Ореховая паста Сергея Назарова». Марина просила оставить.

— В старом макете было много лишнего.

— А убрали после смены поставщика?

— Разумеется. Мы не обязаны рекламировать человека, который больше с нами не работает.

— Он умер позже, — сказал Лев.

— И что это меняет?

— Пока только дату.

Павел посмотрел на него внимательнее, словно прикидывал, где Лев ошибётся.

— Вы очень стараетесь быть приятным, — сказал Павел. — Это помогает людям говорить лишнее?

— Иногда помогает не мешать им.

— Анна задаёт вопросы иначе.

— Поэтому нас двое.

— А решения принимает она?

Павел проверял, насколько Лев зависит от Анны и можно ли разговаривать с ним отдельно.

— Решения мы проверяем вместе.

— Значит, вы можете убедить её не закрывать кафе из-за фразы, которую видите только вы.

— Не могу. И не стану.

— Тогда зачем вы здесь?

Вторая фраза Павла пришла почти ласково: докажите, что вы полезны без неё.

Лев ощутил, как пальцы начали дрожать. Он убрал руку в карман прежде, чем это заметил Руслан.

— За книгой рецептов, — сказал он. — И за списком поставщиков.

Руслан снял фартук.

— Книга в кладовой наверху. Я принесу.

— Я сам, — сказал Павел.

— Вы не знаете, где она лежит.

— Это моё кафе.

— А кухня моя.

Они замолчали. Павел отступил от двери.

— Пять минут.

Руслан вышел, а Лев взял распечатку и направился к служебному входу. Ему требовался воздух без чужих оговорок. На пороге Павел окликнул его:

— Не забудьте, что фамилия в меню ничего не доказывает.

— Поэтому я её и ищу.

В переулке пахло мокрым камнем и кофе из соседней точки. Курьеры протискивались между припаркованными машинами, посетители обходили закрытый вход кафе и читали объявление о техническом перерыве. Лев дошёл до угла, где шум зала должен был исчезнуть, но фразы пошли за ним.

«Мы никогда не экономим на гостях» повторялось голосами персонала. У каждой реплики появлялось своё условие. Между ними звучал Сергей, хотя настоящего голоса Лев никогда не слышал: меня не услышали.

Он прислонился к стене и сжал распечатку. Буквы поплыли. Вторая строка отзыва налезла на первую, одна звезда превратилась в семь, затем исчезла совсем. Лев закрыл глаза, но слова остались.

Телефон завибрировал. Анна написала: «Где ты? Нашла вход в архив, нужен твой телефон для сравнения».

Он набрал: «У служебного входа. Всё нормально». Большой палец дважды промахнулся по кнопке отправки.

Сказать правду означало остановиться. Анна убрала бы его от якоря и продолжила без него. Так было правильно, но Павел уже заметил слабое место. Уйти сейчас казалось признанием, что Лев лишь слышит странные вещи, а решения принимает жена.

Лев спрятал дрожащую руку в карман и вернулся к двери.

Анна ждала у кассы. Она быстро посмотрела на него.

— Ты бледный.

— На улице ветер. Очень целеустремлённый.

Она задержала взгляд, но Марина позвала её к планшету. Лев подошёл к Руслану. Повар принёс толстую книгу в тканевой обложке и положил рядом папку с накладными.

— Нашёл список поставщиков за три года, — сказал он. — Старше не было.

— Этого хватит.

— Вам правда плохо? У меня отец после приступа говорил, что просто не выспался. Теперь я такие ответы не люблю.

Лев не стал отмахиваться.

— Перегрузился. Но работать могу.

— Это разные вещи.

— К сожалению.

Руслан открыл книгу. На первой странице семь нарисованных ложек образовывали круг. Рецепты были разделены цветными закладками. Медовик находился в середине, на странице с засохшим пятном мёда. Внизу сохранилась старая запись: «Паста С. Назарова, отдельный замес».

— Вот, — сказал Руслан. — Потом строку заклеили.

Под белой полоской просвечивали буквы. Лев осторожно поддел край ногтем, но Анна остановила его.

— Сначала снимаем состояние.

Она сфотографировала страницу автономной камерой. На экране камеры белая полоска отсутствовала. Вместо неё стояла надпись: «Семейная традиция не отвечает».

— Опять? — спросила Марина.

— Теперь камера видит больше нас, — сказала Анна. — Наконец-то она определилась с карьерой.

Планшет на кассе звякнул. На карточке кафе появился новый отзыв от Сергея Назарова. Звёзд не было. Текст занимал одну строку:

«Откройте книгу на седьмой ложке».

Все посмотрели на обложку. Седьмая нарисованная ложка, нижняя в круге, была толще остальных. Руслан надавил на неё, и под тканью щёлкнул скрытый клапан.

Глава 4. До открытия

Запись в семейной книге рецептов менялась: то «миндальная паста», то «ореховая смесь». На странице под белой полоской проступала «миндальная паста», затем буквы темнели и складывались в «ореховую смесь». Через минуту первая запись возвращалась, вытесняя вторую. Анна снимала каждое изменение автономной камерой, а Руслан держал книгу открытой двумя ладонями, словно боялся, что та захлопнется и начнёт отрицать сам факт своего существования.

— Не нажимайте на корешок, — сказала Анна. — Он уже треснул.

— Я держу.

— Вы сжимаете.

— Она первая начала.

Лев стоял у окна раздаточной и делал вид, что читает накладные. После улицы лицо у него оставалось бледным, а правая рука время от времени исчезала в кармане. Анна заметила это ещё у кассы. При всех он всё равно ответил бы, что справляется.

Марина принесла ключ от кабинета владельцев и положила рядом с блокнотом.

— Там договоры и старые поставщики. Павел против, чтобы вы забирали бумаги.

— А вы?

— Я не против проверки. Я против того, чтобы кафе закрыли на основании меняющейся строки.

— Для закрытия у меня пока нет полномочий и санитарного заключения. Но медовик вы не продаёте.

— Павел хочет вернуть полное меню к вечеру.

— Павел может хотеть десерт. Получит он его после проверки партии.

Марина посмотрела на книгу, где «миндальная паста» снова уступила место «ореховой смеси».

— Остальное меню можно оставить?

— Если кухня разделит продукты и не будет использовать банки с маркировкой 17-Б.

Руслан впервые за несколько часов заметно выдохнул.

— Я могу работать без медовика.

— В семейном кафе? — спросила Марина.

— Придётся сообщить родственникам.

Павел вошёл в кухню с телефоном в руке. Он услышал последнюю фразу и сразу потребовал прекратить представление. По его словам, закрытый зал уже породил слухи, бронь на вечер отменялась, а сотрудники спрашивали, будет ли смена.

— Будет, — сказала Марина. — Без медовика.

— Мы не можем убирать фирменное блюдо из-за испорченной банки.

— Из-за трёх испорченных замесов и отзыва Сергея.

— Марина, это наш бизнес.

— Именно поэтому я решаю вместе с тобой.

Павел посмотрел на ключ возле руки Анны.

— Ты дала ей кабинет?

— Да.

— Без меня?

— Сейчас ты об этом узнал. Семейное согласование состоялось.

Анна взяла ключ, прежде чем Павел потребовал вернуть его. Марина впервые открывала доступ туда, где решения обычно принимались без неё.

— Книга и журнал поставок временно переходят к ОПЧ, — сказала Анна. — Оформим акт. Оригиналы вернём после копирования и проверки.

— Вы не имеете права изымать документы, — ответил Павел.

— Мы не изымаем. Марина передаёт их добровольно как совладелец.

— Я не согласен.

— Ваше несогласие будет указано в акте.

Павел приблизился к столу.

— Эта книга принадлежала нашей матери.

— И останется вашей, — сказала Марина. — Но сейчас она меняет рецепт у нас на глазах.

— Бумага не меняет рецепты.

Строка под белой полоской дрогнула. «Ореховая смесь» исчезла, и на её месте появилось: «по решению владельца».

Павел замолчал. Анна успела снять страницу камерой.

— Очень отзывчивая бумага, — сказал Лев. — Слышит даже тех, кто в неё не верит.

Анна повернулась к нему.

— В кабинет. На две минуты.

— Я помогу с накладными.

— В кабинет, Лев.

Он не стал возражать при клиентах, что само по себе подтвердило её опасения. В тесном помещении за кассой пахло кофе и новой мебелью. На стене висела фотография Марины и Павла с матерью в день открытия кафе.

Анна закрыла дверь.

— Покажи руки.

— Звучит как очень неудачное предложение в браке.

— Лев.

Он вынул правую руку из кармана. Пальцы дрожали.

— Когда началось?

— На улице. Уже почти прошло.

— Почти — это когда я не вижу.

— Я могу работать.

— Ты будешь отдыхать.

— Аня, у нас активный отклик и несколько наложенных фраз. Я нужен.

— Ты нужен мне в состоянии, когда отличаешь их друг от друга.

Он отвёл взгляд к фотографии.

— Я отличаю.

— Тогда назови последнюю.

Лев не ответил сразу. За дверью Павел требовал у Марины объяснить, что именно она разрешила вынести. Его голос просачивался в кабинет вместе с шумом кофемолки. Лев прикрыл глаза.

— «Пока ты решаешь за всех», — сказал он. — Или «пока за всех отвечаешь». Я не уверен.

— Значит, отдых.

— Полчаса.

— До утра.

Он посмотрел на неё уже без улыбки.

— Ты не можешь снять меня с дела одним приказом.

— Могу как руководитель группы.

— А как жена?

— Как жена я хочу услышать правду раньше, чем замечу дрожь сама.

— Я сказал, что перегрузился.

— Руслану. Не мне.

Лев сжал пальцы, пытаясь остановить дрожь.

— Если бы сказал тебе на улице, ты бы отправила меня домой.

— Да.

— Вот поэтому и не сказал.

Анна почувствовала знакомое раздражение, за которым всегда стоял страх. Он снова решил, что сам определит допустимую цену, а ей оставит готовый результат. Она собиралась сказать именно это, но за дверью упал поднос.

— До офиса ты едешь со мной. Там ложишься в малом зале и не работаешь с материалами.

— Это звучит как арест с подушкой.

— Подушка не гарантирована.

Когда они вернулись на кухню, Павел уже держал журнал поставок. Руслан стоял напротив и не отпускал второй край.

— Положите документ, — сказала Анна.

— Это внутренний журнал.

— Сейчас он удерживает две версии поставки.

— Вы сами признали, что не знаете, магия это или ошибка.

— Именно поэтому журнал должен находиться там, где его нельзя исправить ещё раз.

Павел перевёл взгляд на Руслана.

— Отпусти.

Повар отпустил сразу, но перед этим указал на строку партии 17-Б.

— Вот здесь запись меняли.

Исходный текст был сделан синими чернилами: дата, количество, номер накладной. Код партии дописали чёрной ручкой. Последняя цифра в номере накладной тоже отличалась нажимом.

— Кто заполнял? — спросила Анна.

— Я принял коробки и записал первую строку. Код появился позже.

— Кто имел доступ?

— Книга лежит в кухне. Доступ был у владельцев и у меня.

— Я исправил по накладной, — сказал Павел. — Обычная рабочая правка.

— Какой накладной?

— Она в кабинете.

— Тогда покажите.

Павел первым вышел из кухни. В кабинете он открыл нижний шкаф и достал папку за текущий месяц. Документ с нужной датой лежал на месте, но в нём значилась партия 17-А. Павел пролистал ещё несколько листов.

— Значит, поставщик прислал исправление отдельно.

— По почте? — спросила Анна.

— Возможно.

— Кому?

— Бухгалтерии.

Марина стояла у двери и наблюдала, как брат перебирает бумаги. Анна попросила включить компьютер, но Павел заявил, что бухгалтерская почта содержит персональные данные сотрудников.

— Тогда откройте письмо сами и покажите только заголовок.

Он вошёл в учётную систему и сообщил, что старые письма автоматически архивируются.

— Удобно, — сказал Лев.

Анна посмотрела на него. Он поднял обе руки и отошёл к стене, показывая, что уже отдыхает в пределах возможного.

Марина вставила ключ в верхний ящик стола.

— Здесь бумажные копии.

Павел резко повернулся.

— Не трогай.

Она открыла ящик. Внутри лежали договоры, чеки и распечатанные обращения в «Лик». Верхний лист был датирован сегодняшним утром, девятью часами двенадцатью минутами. Заявитель — Павел Белов. Тема: окончательное удаление архивной копии отзыва Сергея Назарова как публикации из профиля умершего.

— Ты подал заявление до приезда ОПЧ, — сказала Марина.

— Я защищал кафе.

— Ты сказал, что просто удалил отзыв через карточку.

— Это часть одной процедуры.

Анна прочитала номер обращения. В примечании Павел требовал уничтожить все версии, включая хранилище удалённых отзывов, и отключить восстановление по цифровому наследству.

— Откуда вы знали про архив? — спросила она.

— У «Лика» есть правила.

— В пользовательских правилах хранилище не называется.

Павел выдержал паузу.

— Мы работали с поддержкой раньше.

— По какому поводу?

— Удаляли клевету.

На нижнем поле заявления стояла отметка: «Запрос принят. Исполнение — до десяти рабочих дней».

Анна положила документ в отдельный файл.

— С этого момента любые действия с отзывом только с уведомлением ОПЧ. Марина, вы подтверждаете передачу копии?

— Подтверждаю.

Павел оттолкнул дверцу шкафа.

— Вы уже сделали из нас преступников.

— Нет. Пока я установила, что вы скрыли отдельный запрос на уничтожение архива.

— Потому что знал, как вы отреагируете.

— Теперь знаете точно.

В офис ОПЧ они вернулись после семи. Анна несла книгу рецептов в жёстком коробе, журнал лежал отдельно. Лев молча устроился в малом зале на старом диване. Он попытался забрать папку с накладными, но Анна положила её на свой стол.

— До утра, — напомнила она.

— Я могу хотя бы присутствовать.

— Можешь присутствовать горизонтально.

— У тебя очень узкое понимание партнёрства.

— Сейчас у меня широкое понимание перегрузки.

Он хотел ответить, однако передумал и лёг, подложив под голову свёрнутый пиджак. Анна принесла из шкафа плед.

— Подушка всё-таки была, — сказал Лев.

— Это пиджак.

— Не разрушай редкий счастливый финал.

Анна закрыла дверь малого зала не до конца. Ей стало спокойнее, хотя она понимала: отдых назначен приказом, а не согласован с ним.

Старый сканер стоял в бывшем зале регистрации браков. Его не подключали к сети после дела, в котором электронные копии договоров меняли даты. Тихон сидел под столом и перекладывал скрепки.

— Нельзя, — сообщил он, когда Анна поставила короб с книгой.

— Что именно?

— Всё.

— Очень полезное ограничение. Уточни.

Тихон показал на сканер.

— Он обидчивый.

— Сканер не бывает обидчивым.

— Тогда медленный.

Анна включила аппарат. Тихон вздохнул и пересел под соседний стол, обозначив непричастность.

Она отсканировала страницу медовика. На экране появилась «миндальная паста». Бумажный оригинал показывал «ореховую смесь». Анна запустила второе сканирование. Теперь серыми буквами возле заклеенной строки проступило: «семнадцать минут». В сетевой папке, куда программа по умолчанию сохраняла копию, пометы не было. Локальный файл на самом сканере её удерживал.

Анна распечатала изображение. Бумага вышла с пометой, а через секунду цифры начали светлеть. Она написала рядом время от руки. Серые слова перестали исчезать.

— Свидетель любит подпись, — заметил Тихон.

— Документ любит фиксацию.

— Я так и сказал, только короче.

Анна отнесла книгу в сейф, затем зарегистрировала невозможный факт. Дело получило номер. Она разделила проверку на медицину, доступы, поставки и свидетелей. Магию оставила рабочей гипотезой. Срок поставила десять дней — до исполнения запроса Павла.

Телефон зазвонил, когда она печатывала журнал. На экране появилась Дарья Волина.

— У тебя поздний звонок, — сказала Анна.

— У тебя покойник пишет отзывы. Мы обе выбрали неправильную профессию.

Дарья сообщила, что подняла первичные сведения по смерти Сергея Назарова. Официально он умер в больнице после тяжёлой аллергической реакции. В кафе утверждали, что ухудшение началось уже на улице, после ухода.

— Это не совпадает с медицинской записью, — сказала Дарья. — Бригада зафиксировала вызов из зала. Сергей был без сознания возле окна. Первые симптомы начались в кафе, и персонал пытался оказать помощь до приезда скорой.

Анна посмотрела на распечатку со словами «семнадцать минут». Рядом лежало заявление Павла на удаление архива.

— У тебя есть время первого ухудшения?

— Предварительно четырнадцать тридцать две. Вызов зарегистрирован в четырнадцать сорок девять.

Анна записала обе отметки в бумажный блокнот.

— Значит, ждали семнадцать минут.

— Похоже на то. Завтра передам копии через официальный запрос. И, Ань, здесь уже может быть не только ваша аномалия.

После звонка Анна открыла карточку дела и изменила статус. ОПЧ проверял не странный отзыв умершего клиента, а возможное сокрытие обстоятельств его смерти. В малом зале Лев

спал, не сняв обуви. Анна закрыла дверь плотнее и вернулась к столу. На распечатке сканера серые слова больше не исчезали: «семнадцать минут».

Глава 5. Семейная легенда

Дата открытия кафе изменилась, пока Марина рассказывала, что кафе «Семь ложек» начиналось с маминой кухни и одного честного медовика. На медной табличке у входа сначала стоял 2012 год, затем последняя цифра потемнела и стала семёркой. Анна успела снять оба варианта на автономную камеру. Марина обернулась на щелчок затвора и запнулась посреди фразы.

— Что вы фотографируете?

— Вашу семейную историю. Она только что прибавила себе пять лет.

Марина подошла к табличке и провела пальцем по гравировке. Цифра снова стала двойкой. Следов исправления на металле не осталось.

— Эту табличку заказывала мама. К первой годовщине.

— Значит, кафе открылось в две тысячи двенадцатом?

— Да. В официальных документах тоже.

Лев проверил экран телефона. В карточке «Лика» значился 2017 год, а на старой фотографии фасада, которую Марина показала минуту назад, дата под вывеской исчезла. Он выглядел лучше, чем вечером, но двигался осторожно и держался подальше от планшета с отзывом. Анна заметила это и не стала комментировать. Сегодня он сам сказал, что готов работать не больше часа подряд. Формулировка была приемлемой, хотя достигли они её после разговора, в котором оба долго доказывали, что доверяют друг другу.

Зал ещё не открыли. За окнами собирались первые посетители, читали объявление и уходили к соседней кофейне. Марина каждый раз провожала их взглядом.

— Мы можем продолжить в кабинете? — спросила она.

— Сначала покажите юбилейные материалы, — сказала Анна. — Вы вчера назвали историю кафе семейной легендой. Мне нужна версия, которую видят гости.

Марина достала из стойки буклет. На обложке улыбались она, Павел и их мать. Под фотографией было напечатано: «Безупречная семейная традиция с 2012 года». Внутри рассказывалось, как мать сама разработала рецепт медовика и много лет отказывалась удешевлять продукты. Сергей Назаров не упоминался.

— Он был поставщиком, — сказала Марина. — В буклетах обычно не перечисляют поставщиков.

— Руслан утверждает, что Сергей участвовал в подборе пасты и помогал запускать вторую кухню.

— Он помог с оборудованием. У него были знакомые.

— И с рецептом?

Марина перелистнула страницу.

— Мама готовила этот медовик ещё дома.

— С какой пастой?

— С миндальной.

Лев развернул копию страницы из рецептурной книги. Утром запись снова показывала «ореховую смесь». Марина посмотрела, но брать лист не стала.

— Книга старая. Там много исправлений.

— Вчера вы считали её семейной ценностью, — сказала Анна.

— Одно другому не мешает.

Марина снова возвращалась к словам матери и уходила от вопроса о составе. Анна попросила рассказать об открытии кафе без буклета.

Марина начала с аренды маленького помещения и первых заказов. Мать пекла, Павел договаривался с поставщиками, сама Марина работала в зале. Сергей появился, когда миндаль-

ная паста перестала подходить по цене и стабильности. Он предложил смесь, которую делал небольшими партиями, и долго подгонял вкус под рецепт.

— То есть семейный медовик изменили вместе с Сергеем, — уточнила Анна.

— Не изменили. Доработали.

На планшете у кассы отзыв Сергея получил пять звёзд. Лев показал экран Анне, не приближаясь.

— Семейное улучшение оценено высоко.

Марина увидела звёзды и устало попросила не шутить.

— Я не шучу, — сказал Лев. — Когда вы говорите о Сергее как об участнике работы, оценка растёт.

— Покойник выставляет нам баллы за правильные формулировки?

— Отклик не Сергей. Он удерживает то, что не было закончено.

— Это всё равно звучит так, будто мы сдаём экзамен человеку, которого нет.

Анна предложила проверить конкретную фразу. Руслан заранее приготовил маленькую порцию крема без смеси 17-Б. Масса стояла в холодной миске и держала форму. Марина не хотела проводить опыт в зале, но согласилась после того, как Анна пообещала не использовать результат как санитарное заключение.

— Скажите фразу с обложки, — попросила Анна.

— Зачем?

— Вчера крем расслоился после вашего слогана. Сегодня проверим другой.

Марина взяла буклет.

— «Безупречная семейная традиция с две тысячи двенадцатого года».

Крем потерял блеск. По центру прошла бороздка, затем масса осела и отделилась от стенок миски. Температура не изменилась.

Марина поставила буклет на стол.

— Он без ореховой пасты.

— Поэтому пищевая причина этого опыта не объясняет, — сказала Анна. — Фраза запускает проявление отдельно от состава.

— Вы хотите сказать, что виновата наша история?

— Я хочу сказать, что история участвует.

— Для вас разницы нет.

Анна поняла, что ответила поспешно.

— Есть. Но ваша семья получала выгоду от версии, где рецепт всегда был безупречным, а Сергей оставался обычным поставщиком.

Марина побледнела.

— Вы второй день здесь и уже знаете, что получала моя семья?

— Продажи, доверие гостей и возможность не отвечать на неудобное предупреждение.

— Мама умерла три года назад. Она не имеет отношения к письмам Сергея и партии 17-Б.

— Я не говорила о вашей матери.

— Вы говорите о семейной истории так, будто это алиби, которое мы придумали заранее.

Лев тихо позвал Анну по имени. Она услышала предупреждение, но было поздно. Марина закрыла буклет и попросила перейти к документам. В её голосе не осталось готовности объяснять.

В кабинете владельцев стояли два одинаковых стола, однако один был занят папками, а на втором помещались только ноутбук и семейная фотография. Марина села за стол Павла и ввела пароль в почтовую программу. Доступ к старому архиву оказался частичным: письма старше полугода открывались только через резервное хранилище, а пароль от него был у брата.

— Вчера вы сказали, что бухгалтерская почта общая, — напомнила Анна.

- Общая текущая. Архив Павел перенёс после сбоя.
- Какого?
- Он говорил, что подрядчик плохо настроил резервные копии.
- Когда это было?
- После смерти Сергея.

Анна записала дату. Марина заметила движение ручки и сразу добавила:

- Не на следующий день. Через неделю или две. Я не помню.
- Проверим по журналу входов.
- Если Павел даст пароль.
- А если не даст, запросим у оператора хранилища.

Марина открыла папку переписки с Сергеем. Большинство сообщений касалось сроков и оплаты. За неделю до его смерти появилось письмо с темой «Новая партия — проверьте маркировку». В тексте Сергей просил не использовать смесь до уточнения состава и ссылался на фотографию этикетки.

Под письмом стояла серая рамка: «Вложение удалено отправителем или владельцем почтового ящика».

- Он мог удалить сам? — спросила Марина.
- После смерти — нет. Когда письмо получено?
- За восемь дней до больницы.
- Дата удаления есть в журнале?

Марина открыла свойства сообщения. Время изменения совпадало с вечером следующего дня после похорон.

Лев наклонился к экрану, но не приблизился к нему вплотную.

- Кто входил в ящик?
- Павел и я. Иногда бухгалтер.
- Вы удаляли вложение? — спросила Анна.
- Нет.
- Значит, остаются двое.
- Бухгалтер не работала в тот вечер.

Анна записала имя Павла. Марина сразу напряглась.

- Это ещё не значит, что он удалил.
- Доступ был у него.
- И у меня.
- Вы сказали, что не удаляли.
- Сказала.
- Тогда зачем сейчас возвращаете себя в круг?

Марина закрыла свойства письма.

- Потому что вы рано решили, куда он ведёт.

Анна попросила не закрывать сообщение. Марина открыла его, но курсор двигался резче.

В тексте письма Сергей писал: «На коробке есть дополнительная маркировка. Я не уверен, что она относится к прежнему составу. Не ставьте в работу, пока не проверим». Ни названия аллергена, ни прямого обвинения не было.

- Почему письмо сочли обидой? — спросил Лев.

Марина долго смотрела на экран.

— Сергей был зол из-за нового поставщика. Он звонил почти каждый день, говорил, что Павел губит рецепт. Потом начал проверять наши закупки, хотя это уже не было его делом.

- Он прислал фотографию маркировки, — сказала Анна. — Это не обида.
- Теперь я тоже так вижу.
- А тогда?

— Тогда Павел сказал, что Сергей пытается вернуть контракт через страх. Я поверила.

— У вас были сомнения?

— Были. Но смесь имела документы. Руслан работал с ней несколько недель, жалоб не было.

— Значит, молчание позволяло продолжать продажи.

Марина отодвинулась от стола.

— Вы опять делаете это.

— Что?

— Берёте мою ошибку и сразу превращаете её в выгоду.

— Это и была выгода, даже если вы её не называли.

— Я не знала об опасности.

— Вы предпочли не проверять предупреждение.

Марина захлопнула ноутбук.

— На сегодня доступ закончен.

Лев выпрямился, но не вмешался. Анна почувствовала раздражение на себя и на Марину, которая только что подтвердила главную проблему и тут же закрыла источник данных.

— Нам нужна копия письма, — сказала она.

— Сделаю при вас. Архив не дам.

— Хорошо.

Марина открыла ноутбук, распечатала письмо без вложения и поставила подпись. Отсоединила устройство от сети.

— С Павлом говорите отдельно, — сказала она. — Я не буду отвечать за его действия и не хочу, чтобы он присутствовал при моих ответах.

Это было первое прямое разделение их позиций.

Анна приняла лист и смягчила голос:

— Так и сделаем.

— Только не считайте, что я уже выбрала вашу версию.

— У меня пока нет версии, которую можно выбрать.

— Есть. Вы просто называете её рабочей.

В зал они вернулись молча. Лев остался у двери кабинета и сфотографировал время на часах, чтобы зафиксировать окончание доступа. Анна подошла к юбилейному стенду. На нём висели старые меню, газетная заметка и буклет первого года работы второй кухни. В раннем тексте Сергей был указан полностью: «Ореховую пасту для фирменного медовика готовит мастер Сергей Назаров». В новом буклете его фамилии уже не было.

Марина взяла оба экземпляра.

— Я не знала, что его убрали полностью.

— Кто утверждал новый текст?

Она перевернула буклет. В выходных данных стояли инициалы Павла и дата, совпадавшая со сменой поставщика.

— Я видела макет, — призналась Марина. — Но проверяла цены и адреса. Историю писал он.

— Вы подписали согласование?

— Да.

Оценка отзыва на планшете стала пятизвёздочной. Марина заметила это и горько усмехнулась.

— Стоит признать подпись, и покойник доволен?

— Возможно, сохраняется не одобрение, а читаемость свидетельства, — сказал Лев.

Марина перевернула страницу и произнесла:

— Сергей просто обиделся, что мы нашли замену.

Пять звёзд погасли. Осталась одна.

Анна посмотрела на экран, затем на Марину.

— Вот это повторять не надо.

— Почему? Потому что рейтинг портится?

— Потому что после таких фраз Валентина теряла память.

Марина положила буклет на стойку. В её лице появилось то же упрямство, с которым она вчера выбросила бы крем без акта.

— Я не обязана соглашаться, что Сергей был прав во всём.

— Не обязаны. Достаточно не объявлять его предупреждение обидой до проверки.

— Вы опять учите меня правильной формулировке.

Анна хотела ответить, но Лев открыл старый буклет. Между страницами лежал узкий листок, пожелтевший по краям. Судя по отверстиям, раньше его прикалывали к макету. На одной стороне были пометки редактора, на другой — почерк, похожий на подписи в рецептурной книге.

Марина прочитала первой и села на ближайший стул.

Сергей написал: «Если замените пасту — предупреждайте людей».

Ниже стояла дата. За два месяца до того, как его имя исчезло из семейной истории.

Глава 6. Семнадцать минут

Бумажный журнал приёмного отделения не соглашался с больничной системой. В книге с прошитыми страницами дежурная медсестра записала: «14:32, резкое ухудшение, нарушение дыхания». В электронной выписке значилось 14:49 — время регистрации вызова скорой.

Анна положила копии рядом и попросила врача проверить фамилию. Он проверил, снял очки и протёр переносицу.

— Это один пациент. Сергей Андреевич Назаров. Поступил с тяжёлой аллергической реакцией.

— Откуда взялось 14:32? Это на семнадцать минут раньше регистрации вызова.

— Со слов бригады и сопровождавшей женщины. Бумажную запись сделали сразу, а программа при автоматической загрузке считает началом случая момент регистрации вызова.

Дарья Волина сидела на подоконнике и листала официальный ответ больницы. Она приехала раньше, договорилась о доступе и теперь следила, чтобы Анна не превратила медицинскую беседу в допрос.

— Пока у нас две отметки, — сказала Дарья. — Что происходило между ними, мы не установили.

Врач благодарно посмотрел на неё. Анна знала этот взгляд: сотрудник полиции сейчас казался ему самым мягким человеком в комнате.

— Нам нужны карта бригады и сведения о введённых препаратах.

— Медицинские документы выдаём по официальному запросу полиции.

Дарья подняла ладонь.

— Запрос у вас на столе. Анна работает приглашённым экспертом по цифровым материалам. Документы получаю я; она увидит только время и записи, относящиеся к проверке.

Врач ушёл за картой. Анна открыла электронную выписку на больничном компьютере. В строке «место начала ухудшения» стояло: улица возле кафе. Она попросила сотрудницу архива найти запись по слову «кафе». Экран мигнул, время сменилось с 14:49 на 14:32, затем вернулось обратно.

— Вы видели? — спросила Анна.

Сотрудница отодвинула мышь.

— У нас система так не делает.

— Повторите поиск.

— Я лучше позову техника.

Дарья встала с подоконника.

— Сначала снимем экран автономной камерой.

Анна ввела фамилию — время осталось прежним. Добавила слово «кафе», но цифры опять показали 14:32. На снимке автономной камеры поле оказалось пустым.

— Прекрасно, — сказала сотрудница. — До обеда у нас была просто старая программа. Теперь она ещё и стесняется.

Бумажный журнал не менялся. На полях рядом со временем стояли инициалы медсестры и помета: «со слов сопровождающей». Анна переписала строку в блокнот и попросила заверенную копию.

Дарья попросила сотрудницу архива открыть историю изменений. В журнале системы стояли два автоматических обращения к карточке Сергея: первое в 14:49, второе — уже после его смерти, когда больница получила запрос от кафе для страховой компании. Пользователь был обозначен служебным кодом, без фамилии.

— Можно выяснить, кто входил? — спросила Анна.

— Через администратора, — ответила сотрудница. — Но он сегодня на выезде.

— Разумеется.

— У нас техника ломается только в присутствии людей, которые умеют задавать вопросы.

Анна сняла экран автономной камерой. Код пользователя сохранился, время исчезло. Она записала оба значения от руки и попросила сотрудницу расписаться рядом.

— Я теперь свидетель?

— Пока свидетельница того, что видели цифры.

— Хорошо. В медицинских делах это самая безопасная роль.

Дарья забрала лист и убрала в папку.

— До получения журнала администратора это не доказательство вмешательства. Только основание запросить данные.

— Я знаю.

— Ты говоришь это так, будто считаешь напоминание личным оскорблением.

— Я считаю его повтором.

— Повторы полезны. Особенно тем, кто торопится.

Врач вернулся с первичной картой. Согласно записи фельдшера, Сергей находился в зале кафе возле окна. К приезду бригады он почти не реагировал, дыхание было затруднено. Сотрудники сообщили, что ему стало плохо несколько минут назад.

— Аллергия могла развиваться быстро? Если помощь вызвали не сразу, это могло повлиять на исход?

— При тяжёлой реакции счёт идёт на минуты. Задержка могла ухудшить состояние, но для вывода нужны данные о начале симптомов и лечении до приезда бригады. Умысел это само по себе не доказывает.

Дарья взглянула на Анну. Та поняла намёк.

— Какой аллерген указан? Арахис?

— Ореховый белок. Точная идентификация не завершена; арахис возможен. Для реакции важно не название на коробке, а состав.

По словам родственницы, Сергей много лет знал об аллергии и носил автоинъектор. В день происшествия лекарства при нём не нашли.

В коридоре их ждала Оксана Назарова. Короткие тёмные волосы, расстёгнутая куртка и взгляд человека, которого часто просили успокоиться ради чужого удобства. Пластиковую папку она сжимала так, что край побелел.

— Вы из кафе? — спросила она.

— Полиция, — сказала Дарья. — Это Анна Зорина, эксперт ОПЧ.

— Отдела, который объясняет, почему мёртвые едят отходы?

— Мы объясняем последствия, — ответила Анна.

Оксана не улыбнулась.

— Павел Белов уже всё объяснил. Дядя был болен и устроил им проблему после смерти.

— Это слова Павла?

— Его юриста. Павел обычно говорит мягче. Смысл не меняется.

В комнате для посетителей Оксана отказалась садиться, пока не увидела удостоверение и номер материала. Дарья показала оба.

— Когда вы узнали, что Сергею стало плохо? — спросила она.

— В пятнадцать восемь. Позвонили из больницы.

— Из кафе не звонили?

— Нет.

Анна спросила об аллергии. Оксана ответила, что Сергей проверял состав каждого продукта и не ел смеси без этикетки. Арахис переносил особенно тяжело. Автоинъектор носил в наружном кармане сумки.

— Сумку вернули?

— Через три дня. Карман был пуст.

— Кто передал?

— Марина. Сказала, что сумка лежала в кабинете.

— Павел присутствовал?

— Он вынес вещи к машине и извинился. Очень правильный человек. Рядом с ним чувствуешь, что плохо подготовилась к собственной беде.

Анна записала про сумку.

— Дядя предупреждал их о партии, — сказала Оксана. — Присылал фотографию этикетки.

— Она сохранилась?

— Сообщение исчезло из чата после его смерти.

— Само?

Оксана посмотрела прямо на неё.

— Телефон могли открыть, чат могли почистить. Пароль знали в кафе: дядя показывал накладные со своего экрана.

— Кто знал пароль?

— Не знаю. И не стану угадывать, чтобы вам было удобно.

Дарья кивнула.

— Правильно. Нужны факты.

Анна уже собиралась спросить, почему Оксана заранее уверена в сокрытии, но остановилась. Вчера она закрыла Марину поспешным выводом.

Оксана вынула из папки копию приёмного журнала с отметкой 14:32. Внизу медсестра от руки добавила: «Пациент повторяет: сначала убрали коробки».

— Откуда это?

— Медсестра дала, когда я добивалась объяснений от кафе. Потом пришла электронная выписка, и там уже стояло 14:49. Павел сказал, что бумага ошибочная.

Медсестру звали Елена Викторовна. Она помнила Сергея по фразе про коробки. В тот день он ненадолго пришёл в сознание после введения препаратов и пытался объяснить, что произошло.

— Он сказал: «Они сначала убрали коробки», — повторила она. — Потом спросил, вызвали ли скорую. Я ответила, что он уже в больнице.

— Коробки из кафе? Он называл людей или продукт?

— Не уточнил. Сказал только «заменили». Потом стало хуже.

Разговор состоялся в 15:21. Запись сохранилась на бумажном листе наблюдений, потому что медсестра отметила изменение сознания.

— Почему фразы нет в электронной карте? — спросила Дарья.

— Заведующая сказала убрать чужие слова из медицинской части. В системе оставили только состояние.

— Лист сохранился?

— В архиве. Если не потеряли.

— Сегодня бумага держится лучше людей, — сказала Дарья.

— Бумага не дежурит сутки, — ответила медсестра.

В коридоре Анна собрала временную линию. В 14:32 Сергей закрыл счёт или начал жаловаться на самочувствие. В 14:49 зарегистрировали вызов. В 15:21 он пришёл в сознание и сказал про коробки. Аллергия объясняла симптомы, но семнадцать минут теперь подтверждались кассовой отметкой и больничным журналом.

— Если персонал убирал коробки вместо вызова, задержка умышленная, — сказала Анна.

Дарья остановилась.

— Нет.

— Что «нет»?

— Мы не знаем, когда начали убирать, какие коробки и зачем.

— Время вызова есть.

— Есть поздний вызов. Умысел устанавливается действиями и целью, а не твоим раздражением.

— Я не раздражена.

Дарья посмотрела на неё.

— Тогда у тебя лицо само расследует.

Лев сидел у окна в конце коридора. Он приехал с Анной, но к медицинским документам не подходил.

— Дарья права, — сказал он. — Коробки могли убирать, чтобы освободить место.

— Или чтобы спрятать продукт.

— Могли. Но второе тебе нравится больше.

Анна закрыла блокнот.

— Запрашиваем диспетчерскую запись и соединения телефонов. Если внутри этих минут звонили не в скорую, узнаем кому.

Дарья кивнула.

— Вот теперь действие, а не приговор.

В её кабинете пахло бумагой, дешёвым кофе и перегретым принтером. Дарья оформила запрос в службу экстренных вызовов и оператору связи по телефонам Павла и Марины.

Она развернула к Анне бланк.

— Формулирую так: установить время первого обращения, длительность звонка и источник передачи адреса. Слово «задержка» пока не пишу.

— Почему?

— Потому что оператор подтвердит звонок, а не наши выводы.

— Семнадцать минут уже подтверждены.

— Подтверждена разница между началом ухудшения и регистрацией вызова. Это почти одно и то же, но в деле слово «почти» потом съедает месяц работы.

Лев взял со стола пластиковый стаканчик, понюхал кофе и поставил обратно.

— У напитка тоже есть алиби. Его никто не пил.

— Он стоит здесь со вчерашнего утра, — сказала Дарья. — Не трогайте вещественное доказательство моего образа жизни.

Анна всё-таки улыбнулась. Напряжение отпустило ненадолго, но этого хватило, чтобы снова увидеть линию без готового виновника. Им требовалось установить, чем был занят Павел после 14:32 и кто имел доступ к коробкам до приезда скорой.

— Начнём с владельцев, — сказала Дарья. — Потом расширим.

Анна положила рядом копию письма Сергея и медицинскую линию. Фотография этикетки исчезла после похорон. Сегодня выяснилось, что коробки убирали до вызова скорой. Связь казалась очевидной, но между очевидным и доказанным иногда помещается целое уголовное дело.

Марина приехала в половине третьего с нотариальным согласием на передачу части почтового архива. С Анной она держалась официально.

— Павел не знает, что я здесь.

— Почему?

— Считает, что вы уже назначили нас виновными.

— Я не назначала.

— Вчера вы сказали, что наша семья предпочла не знать об опасности.

— Я сказала это о письме.

— Вы сказали «ваша семья».

Анна вспомнила свою фразу.

— Я поторопилась.

Марина явно не ожидала признания, но лицо не смягчилось.

— Это ничего не меняет.

— Меняет границу вывода. У нас есть письмо и удалённое вложение. Знание Павла проверяем отдельно от вашего.

— Хорошо.

— Когда Сергею стало плохо, вы были в зале?

— Я приехала позже. Павел позвонил и сказал, что Сергея увезли. В кафе уже убирали.

— Что именно?

— Посуду после скорой.

— Коробки видели?

— Нет.

— Где была сумка Сергея?

— В кабинете Павла. Он велел убрать её, чтобы не мешала в зале.

Анна спросила об автоинъекторе. Марина знала, что Сергей носил лекарство, но в сумку не заглядывала. После вопроса о семнадцати минутах она снова закрылась.

— Я не знаю, что было. И не хочу угадывать вместо брата.

— Тогда поговорим с ним.

Телефон Марины зазвонил. Она отклонила вызов, но сразу пришло сообщение.

— Павел уехал на склад.

— Зачем? — спросила Анна.

— Сказал, что проверит коробки партии 17-Б до вашего визита.

Дарья уже брала ключи от машины.

— Адрес.

Марина назвала промышленный проезд на востоке Москвы. Склад закрывался в четыре.

— Когда он уехал?

— Сорок минут назад.

Дарья убрала запросы в сейф и захлопнула дверцу.

— Значит, у него было время начать проверку по-семейному.

Марина переслала адрес. На её телефоне появился пропущенный вызов от Павла, а следом сообщение: «Коробок 17-Б здесь нет».

Глава 7. Вход из пустой квартиры

Оксана открыла дверь на ширину цепочки и потребовала, чтобы Марина осталась на лестнице. За её плечом виднелся тёмный коридор, заставленный коробками, а на тумбе лежал телефон Сергея в прозрачном пакете. Лев успел заметить его раньше, чем дверь прикрылась.

— Она не войдёт, — сказала Оксана. — Иначе разговора не будет.

Марина стояла на площадке с папкой старой переписки. После больницы она почти не говорила и несколько раз перечитала сообщение Павла о пропавшей партии, не отвечая.

— Мне не нужна его квартира. Я приехала подтвердить письма.

Оксана напомнила, что кафе месяц утверждало: Сергей умер уже после ухода. Марина возразила, но Анна остановила их.

— Марина подождёт внизу. Если понадобится сверка, я позвоню. Сейчас нам нужны устройства Сергея и журнал входов в профиль.

Оксана посмотрела на Льва.

— А он зачем?

— Иногда слышу смысл, который человек не произносит. Иногда ошибаюсь. Это направление проверки, а не доказательство.

Цепочка перестала звенеть. Оксана ожидала уверенного ответа, похожего на фокус.

— Мыслей не читаете?

— Нет. Там и без меня тесно.

Марина спустилась во двор. Дверь закрылась за ней, и Оксана сняла цепочку. В квартиру она впустила Анну первой, Льва — после короткой паузы.

В прихожей всё осталось так, словно Сергей собирался вернуться из больницы. На вешалке висела ветровка, рядом стояли домашние тапки. Письма из почтового ящика лежали на табурете нераспечатанными.

— Здесь никто не живёт, — сказала она. — Я прихожу поливать цветы и разбирать документы.

На подоконнике стоял кактус, который, судя по виду, не разделял её версию.

— Цветы в курсе? — спросил Лев.

Оксана посмотрела на кактус.

— Этот был таким при дяде. У них сложные отношения.

На письменном столе лежали старый планшет и ноутбук. Оба были выключены. Оксана поставила рядом телефон, но пакет не открыла.

— Сначала объясните, что будет, если я его отдам.

— Без вашего согласия мы устройство не забираем. Снимем журнал входов при вас. Если полиция оформит изъятие, будет отдельный документ.

Оксана спросила, узнает ли кафе. Анна не стала обещать тайну и пояснила: поздний доступ позволит оспаривать только сообщения, созданные после него.

Оксана сжала край пакета.

— Вы уже решили, что я входила.

— Я решила проверить.

Лев услышал вторую фразу раньше, чем Оксана снова заговорила: если признаюсь, они похоронят всё вместе с моей ошибкой. В ней не было уверенности обвинительницы из больницы. Оставался страх, что один неверный поступок позволит Павлу объявить ложью письма, фотографию и последние слова Сергея.

— Я не могу пообещать, что доступ не будет иметь последствий. Но время вашего входа отделим от появления отзыва.

Оксана перевела взгляд на Анну.

— Он всегда говорит за вас?

— Только когда говорит точнее.

Она сняла пакет и положила телефон на стол. Код ввела сама, прикрывая экран ладонью. Устройство открылось без сети: Оксана заранее включила режим полёта.

— Дядя говорил, что облако — это чужой компьютер с хорошим названием. Поэтому пароль написал на бумажке под клавиатурой.

— Разумность тоже устаёт, — заметил Лев.

Анна подключила автономный накопитель через переходник и запустила просмотр локальных журналов. В приложении «Ли́ка» сохранились токены сеансов. Последний прижизненный вход Сергея был за два дня до больницы. Следующий — через девять дней после его смерти, с домашнего адреса.

— Это вы? — спросила Анна.

Оксана не ответила. На выключенном планшете, лежавшем в стороне, проступила одна чёрная звезда. Экран не зажёгся; знак появился на матовом стекле, как отпечаток под поверхностью.

Лев подошёл ближе, но не коснулся устройства.

— Он разряжен?

— С января, — сказала Оксана. — Кабель потерялся.

Звезда оставалась видимой. Анна сняла её камерой, но на записи экран оказался пустым.

— Значит, обычная техника снова решила сохранить нейтралитет, — сказала она.

Оксана села на край кресла.

— Я входила один раз. Хотела скачать переписку и обращения. Ничего не публиковала.

Она скрыла вход, потому что Павел уже объявил профиль скомпрометированным родственниками. Анна попросила показать дату жалобы.

Оксана достала из ящика папку. В ней лежали копии обращений в кафе, службу поддержки «Ли́ка» и санитарную инспекцию. На каждом стоял номер. Ответы были почти одинаковыми: недостаточно данных, состав подтверждён документами, причинная связь не установлена.

— Я делала всё нормально, — сказала Оксана. — С датами и приложениями. Мне объяснили, что фотография этикетки не доказывает использование продукта, а слова дяди нельзя проверить. После третьего ответа я полезла в телефон.

— Чтобы найти оригиналы?

— Чтобы их не удалили. Чат уже был пустой.

Анна разложила обращения по датам. Первое Оксана подала через два дня после похорон. Ответ службы поддержки уже цитировал фразу «не удаляйте свидетельство», значит, она появилась раньше входа Оксаны.

— Ключевая фраза существовала раньше, — сказал Лев. — Ваш вход её не создал.

Анна пообещала отдельно записать этот факт, но рядом отметить незаконный доступ. Оксана кивнула: люди обычно замечают последнее нарушение и забывают всё, что было до него.

Лев посмотрел на звезду. Она стала светлее, но не исчезла. Вторая фраза Оксаны звучала уже иначе: я пыталась оставить ему право быть услышанным.

На столе лежала распечатанная фотография коробки. Этикетка расплывалась серым прямоугольником; читались дата и часть названия, состав исчезал под пятном. Анна сравнила её с письмом Сергея.

— Это удалённое вложение?

— Да. Я успела распечатать с телефона. Сам файл потом повредился.

— Когда?

— После того как кафе ответило, что маркировка не относится к их поставке.

Лев взял фотографию за край. Изображение оставалось мутным. Оксана стояла рядом, ожидая, что он сейчас услышит правильный ответ от бумаги. От этого ожидания в висках начало давить.

— Я не определю состав по отклику, — сказал он. — И не узнаю, кто удалил файл. Сергей предупреждал, но его не услышали. Это всё, что можно признать сейчас.

Серое пятно отступило. На этикетке проступила строка: «может содержать следы арахиса». Ниже был код партии 17-Б.

Анна сразу положила рядом масштабную линейку и сделала снимок. На автономной камере текст сохранился.

— Теперь техника согласна участвовать, — сказала она. — Редкий карьерный рост.

Оксана отвернулась к окну. Лев положил фотографию обратно. Давление в висках усилилось, а из пустого коридора пришла фраза: они знали. Он не повторил её. Снимок подтверждал предупреждение о следах арахиса, но не знание Павла и не использование смеси в десерте.

Анна попросила открыть голосовые сообщения Сергея. Оксана отказалась и забрала телефон.

— Там личное.

— Нам нужны записи о поставке и кафе.

— Вы возьмёте одну фразу и решите, что она означает всё.

— Поэтому прослушаем контекст.

— Контекст был у него. Теперь каждый выбирает удобный.

Лев сел напротив.

— Что вы пытаетесь сохранить?

Оксана ответила, что доказательства. Следом Лев услышал другое: его голос до того, как его превратят в жалобщика.

— Вы боитесь, что мы заберём последнее обычное сообщение. Не о смерти и не о кафе.

Защита в её лице исчезла. Накануне больницы Сергей прислал рецепт супа и десять минут объяснял, почему лук надо резать мельче. Оксана не хотела превращать это в материал дела.

— Скопируем только сообщения о проверке. Сергей имел право быть смешным. Это не отменяет предупреждение.

Оксана долго держала телефон у груди, потом открыла чат и нашла запись за неделю до смерти. Голос Сергея был хриплым, усталым и вполне живым. Он говорил о новой смеси, просил Оксану сохранить фотографию и не отправлять её Марине.

«Павел сказал, что Марина ничего не должна знать. Она начнёт задавать вопросы и останавливает закупку. Я ещё раз проверю коробки сам».

Запись закончилась шумом улицы.

Анна повторила её и зафиксировала на автономный диктофон. Оксана утверждала, что отправляла файл полиции после похорон, но получила ответ: семейный разговор не доказывает опасность продукта. Талон с номером обращения сохранился.

Анна сфотографировала его и вышла в прихожую звонить Дарье. Лев остался с Оксаной. На выключенном планшете звезда исчезла, зато экран телефона начал мерцать. В чате Сергея некоторые строки раздваивались, поверх обычных сообщений проступало: не отдавайте им всё.

Оксана тоже увидела строки и спросила, просит ли Сергей ничего не отдавать.

— Отклик удерживает незавершённое свидетельство. Он не даёт советов за Сергея.

— Удобное правило.

— Очень неудобное. Оно не позволяет переложить решение на покойного.

Оксана села и положила телефон на стол.

— Тогда решайте вы.

— Нет. Я предложу способ. Вы добровольно показываете журнал входов и передаёте копии конкретных сообщений. Мы фиксируем, что ваш вход был позже первой фразы. Телефон не забираем до решения Дарьи.

— А если я откажусь?

— Дарья сможет оформить изъятие. Тогда файлы будете выбирать уже не вы.

— Вы угрожаете мягче Анны.

— У нас распределение обязанностей.

Оксана почти улыбнулась.

Лев открыл форму расписки. Пальцы снова начали дрожать. Он положил ладонь на стол и сделал вид, что придерживает лист. Строки в бланке сдвинулись, а голос Сергея повторил фразу о Марине, хотя запись была остановлена.

— Вам плохо? — спросила Оксана.

— Устал.

— Вы говорили, что иногда ошибаетесь.

— Сейчас как раз стараюсь не перепутать усталость с подсказкой.

— Анна знает?

— Знает, что я перегружаюсь.

— А что это происходит сейчас?

Лев восстановил дыхание.

— Этого пока не знает.

Оксана отвела взгляд. Её доверие он получил честным признанием ограничения, а теперь тут же ответил полуправдой. От этого стало хуже, чем от дрожи.

Анна вернулась и сообщила, что Дарья нашла номер обращения. К материалу приложили только письменное заявление; аудиофайл в системе отсутствовал.

— Его не приняли? — спросила Оксана.

— В талоне указано одно приложение. Бумажная фотография.

— Я отправляла запись через форму.

— Проверим журнал загрузки.

Анна подписала расписку. Оксана передала копии голосового и фотографии коробки, оригиналы остались у неё. Журнал входов сохранили отдельно.

Марина ждала во дворе у подъезда. Когда они вышли, она сразу подошла к Анне.

— Нашли связь с Павлом?

Оксана появилась следом и остановилась на ступеньке.

— Нашли слова дяди. Остальное проверят без вашего семейного перевода.

Марина посмотрела на неё, затем на папку в руках Анны.

— Он говорил обо мне?

Анна не ответила.

— Материалы пока не обсуждаем возле подъезда.

Оксана дождалась, пока Марина отойдёт к машине, и тихо позвала Льва. Он вернулся к двери.

— Я приду утром в ОПЧ и расскажу всё про вход, — сказала она. — Без красивой версии.

— Лучше без неё.

— Только не предупреждайте кафе до моего прихода. Павел уже чистил архив после похорон. Если узнает, что вы нашли голосовое, исчезнет остальное.

— Что именно?

Оксана посмотрела на окна квартиры Сергея.

— У дяди был второй накопитель. Я спрятала его после входа в профиль и никому не сказала. Завтра принесу сама.

Лев кивнул и пошёл к машине. Анна спросила, о чём они говорили. Он ответил, что Оксана придёт утром с полным объяснением. Про дрожь, повторившийся голос Сергея и второй накопитель пока промолчал. На заднем сиденье Марина смотрела в выключенный телефон, а в кармане Льва без звука снова прозвучала фраза: «Павел сказал, что Марина ничего не должна знать».

Глава 8. Седьмая ложка

Седьмая ложка на обложке книги не открывала новый тайник. После щелчка под тканью выдвинулась узкая картонная полоска, сложенная вдвое и прижатая засохшей каплей мёда. Анна развернула её пинцетом под лампой архивной комнаты. На лицевой стороне была проба старого логотипа, на обороте — почерк матери Марины.

«Плохой отзыв не считается правдой».

Марина прочитала фразу и сразу назвала её шуткой. В малом зале ОПЧ часы показывали без двадцати восемь, чай давно остыл, а семейные шутки всё чаще требовали отдельного акта.

— Мама говорила так, когда Павел приносил из школы замечания. Он однажды получил двойку за сочинение и заявил, что учительница не поняла замысел.

— Потом эту фразу повторяли в кафе? — спросила Анна.

— Когда появлялась нелепая жалоба.

Нелепость семья определяла сама. Если посетитель долго разговаривал, холодный суп считался его личным достижением. Замечание о не приветливой официантке тоже легко списывали на плохое настроение гостя. Марина произносила это без гордости, но всё ещё защищала право семьи отделять полезную критику от обиды.

Лев сидел у двери и массировал запястье. После квартиры Сергея он сказал, что устал, но не уточнил, насколько. Анна решила не спрашивать при Марине. Сейчас его лицо снова стало спокойным, и это тревожило сильнее обычной жалобы.

Тихон принёс автономный сканер, поставил на стол и потребовал протокол для покойного заявителя. Марина подняла голову, а Анна объяснила, что Сергей не заявитель ОПЧ. Обращение подала она.

— Тогда он приложение? — уточнил Тихон.

— Свидетельство.

— Свидетельство обычно не дописывает вопросы.

Анна назначила Тихона хранителем автономной копии. Толковать текст ему не разрешалось; требовалось проверить пломбу, время и отсутствие сети. Тихон спросил, что делать, если покойный напишет лично.

— Не отвечать без регистрации.

Такое правило его устроило. Мир снова получил понятный край.

Анна положила картонную полоску на стекло. Автономный сканер сохранил всю фразу. Сетевой аппарат в соседней комнате выдал только: «Плохой отзыв не считается». Слово «правдой» исчезло вместе с точкой. Повтор дал тот же результат.

Тихон присвоил каждой копии номер, вписал время от руки и потребовал отдельный пакет для оригинала. Анна согласилась. Цифровой файл с автономного аппарата они сохранили на накопитель, который не подключали к рабочей сети. Когда копию перенесли на компьютер, последние два слова пропали уже в окне предварительного просмотра. Накопитель удерживал полную строку.

— Значит, хранить надо железку? — спросил Тихон.

— Хранить надо исходную копию и не давать программе её улучшать.

— Программа убрала смысл.

— Обычно это называется оптимизацией.

Тихон записал слово в карточку хранения и добавил рядом: «не применять».

Лев посмотрел на листы.

— Сеть оставляет правило без предмета. Можно не считать вообще.

— Удобная семейная математика, — сказала Марина. — У нас уже звёзды считают себя сами.

Анна открыла карточку отзыва на трёх устройствах. Текст на этот раз совпал: «Если заменили продукт, предупреждайте людей. Не удаляйте свидетельство». На телефоне Марины горели пять звёзд, у Анны — две, у Льва — одна.

Число менялось в зависимости от отношения читателя. Когда Марина признавала участие Сергея, оценка росла. Если объявляла его предупреждение обидой, оставалась одна звезда. Сам текст держался, пока собеседники не отрицали факт сообщения.

— Это уже формула? — спросила Марина.

— Рабочая гипотеза. Формула должна объяснить и память, и переход на бумагу.

Анна записала: «Предупреждение исключено из общей версии. Семейное правило объясняет внешний отрицательный отклик неправдой». Следующую фразу пришлось переписать дважды. Наконец она остановилась на точной: после удаления цифровой записи незавершённое свидетельство удерживается другими связанными носителями.

Тихон одобрил формулировку, потому что в ней не требовалось выяснять характер бумаги.

Марина провела пальцем над словами матери, не касаясь картона.

— Всё началось из-за фразы, которой двадцать лет?

— Нет. Она могла стать привычным правилом. Отклик возник из незавершённого события, смерти и попытки удалить предупреждение.

— Вы уверены?

— Нет.

Марина выдохнула.

— Наконец-то ответ, которому я верю.

Из сейфа принесли журнал поставок. Тихон проверил пломбу и положил рядом чистый лист. Анна открыла страницу с партией 17-Б. Код был дописан чёрной ручкой, основная строка — синей. Рядом лежала фотография коробки, проявившаяся в квартире Сергея.

Код совпадал. Дата — нет.

В журнале партия появилась за три дня до смерти Сергея. На фотографии стояла дата отгрузки в день его визита в кафе. Две поставки с одним кодом были возможны только при нарушенном учёте, но тогда существовали бы две накладные.

Павел сообщил со склада, что коробок нет. Дарья успела приехать туда с участковым после закрытия. Павел встретил их у ворот. На стеллаже осталось пустое место, камера у погрузочной зоны не записывала последние сутки.

— Очень работающий склад, — сказал Лев. — Коробки ушли, камера устала.

— Дарья просит не делать выводов до журнала ворот.

Марина предположила, что товар перевезли на другую площадку перед инвентаризацией. Анна напонила: это произошло в день, когда ОПЧ запросил партию. Марина услышала обвинение и замолчала.

Анна развернула журнал к свету. Под чёрным кодом виднелся прокол от шарика. На следующей странице такой же нажим оставил вмятину без чернил. Она поставила лампу под углом. На чистом поле проявился зеркальный след: «17-Б, возврат».

Тихон уже держал камеру включённой.

След остался от записи на вырванном листе. Возле корешка сохранился узкий обрывок. Строку о возврате написали в день смерти, потом страницу удалили, а код перенесли назад к более ранней поставке.

— Кто имел журнал? — спросила Анна.

Марина помнила, что в тот вечер Павел забрал его из кухни для сверки и вернул утром. Когда она приехала после больницы, журнал лежал у него на столе.

— Не пишите, будто я обвиняю брата.

— Я фиксирую место документа.

— Вы уже решили, что код перенёс Павел.

— Это решит экспертиза чернил и почерка.

До экспертизы у них оставались исправление другой ручкой, вырванная запись и доступ Павла к журналу. Анна не произнесла это вслух. Марина и без того следила за каждым движением её ручки.

Лев наклонился над следом.

— «Возврат» относится к коробкам или ко всей поставке?

— Пока неизвестно.

Руслан мог подготовить товар, склад — принять. Для списания требовалось решение владельца. Павел занимался поставщиками, Марина — залом и расчётами.

Она вдруг вспомнила коробку у шкафа в кабинете. Сергей принёс её утром, хотел показать этикетку Павлу. После того как его увезли, коробки там уже не было.

— Вы раньше об этом не говорили, — сказала Анна.

— Я вспомнила после фотографии.

— Кто находился в кабинете?

— Павел. Говорил по телефону.

Марина зашла за сумкой Сергея, но о коробке не спросила. В зале убирали после скорой, персонал был напуган, и она решила, что брат уже выяснил происходящее.

— Или вы предпочли не знать? — спросила Анна.

Марина встала.

— Вот поэтому я не хотела приезжать. Вы опять отвечаете за меня. Я приехала в кафе, где Сергей уже был в больнице, а Павел держал работу на себе. Мне надо было успокоить людей.

Кафе не открылось на следующий день. Павел закрыл его на двое суток и выплатил смены из личных денег, чтобы сотрудники не потеряли заработок. Марина потребовала записать и это.

Анна записала. Забота о коллективе не отменяла подмену, но объясняла, почему персонал держался за Павла. Он решал привычные проблемы быстрее всех, платил, договаривался и брал ответственность на себя. В такой системе опасный продукт тоже легко становился задачей, которую надо убрать с глаз до открытия.

Лев тихо попросил перерыв. Анна сразу уточнила, снова ли он слышит наложение.

— Мы договаривались обсуждать предел вместе, а не при свидетеле.

Марина предложила выйти, но Анна сказала, что им нужно закончить страницу. Лев отодвинул стул.

— Отлично. Предел обсуждаем при свидетеле, свидетеля удерживаем ради бумаги.

Анна услышала себя со стороны. Она снова назначала правильный режим, не оставляя ему права назвать его самому.

— Хорошо. Десять минут. Решение твоё.

— Уже почти решение.

Он вышел в коридор. Дверь закрылась мягко. Марина посмотрела на Анну с неожиданным пониманием.

— Вы тоже решаете за близких?

— Иногда слишком быстро.

— Тогда у нас всё-таки семейное кафе.

Тихон поднял голову.

— Это не кафе.

Марина впервые за вечер улыбнулась.

— Спасибо. Без вас мы бы перепутали учреждение.

В малом зале Анна разложила материалы по времени, чтобы не подгонять факты под подозреваемых. Сначала письмо Сергея о маркировке, затем его визит с коробкой. В 14:32

началось ухудшение. До 14:49 часть товара переместили. В тот же день в журнале появилась запись о возврате. Позже лист вырвали, а код 17-Б перенесли к прежней поставке.

Марина спросила, что будет дальше. Дарья проверит склад и диспетчерскую запись. Руслан отдельно объяснит, что видел возле кухни. Оксана утром принесёт журнал входов и материалы Сергея.

— Вы ей доверяете больше, чем мне?

— Я доверяю документам. Людям оставляю возможность исправить показания до того, как это сделают за них.

Марина услышала намёк и снова закрылась. Анна поняла это по тому, как та придвинула акт к себе и выровняла его по краю стола. Ещё утром Марина возражала, теперь сэкономила слова. Резкость отрезала доступ быстрее любого замка.

Анна поставила на стол карточку склада: он должен объяснить исчезновение партии. Рядом легла карточка Руслана — его показания связывали продукт с кухней. Материалы Оксаны могли восстановить предупреждение Сергея. Временная линия вызова должна была показать, чем были заняты люди до скорой. Четыре направления пересекались в семнадцати минутах, однако ни одно пока не объясняло всё.

Дарья позвонила из машины. Павел не препятствовал осмотру, но говорил только при адвокате. По первичной выгрузке журнала ворот у фургона стояла отметка 15:07; направление проезда в выгрузке не отображалось. Пропуск оформили на водителя подрядчика, его телефон был выключен.

— Павел утверждает, что коробки вернули поставщику утром, до визита Сергея, — сказала Дарья.

Анна посмотрела на продавленный след, сделанный в день смерти.

— Журнал говорит иначе.

— Журнал у тебя меняет слова.

— Вмятина физическая.

— Тогда передай экспертам и не разговаривай с ней как со свидетелем.

— Уже оформила.

— Вот за это я тебя и терплю.

После звонка Тихон сделал Марине копию акта и отказался использовать сетевой принтер.

— Он сокращает правду, — пояснил он.

— Наконец-то техника с характером, который мне понятен, — сказала Марина.

Лев вернулся через двенадцать минут. Лицо стало спокойнее, но держался он отчуждённо. Анна не спросила, готов ли он работать. Она подвинула к нему карточки и предложила посмотреть только связи, без второй фразы.

— Ты уже решила мой режим?

— Предлагаю.

— Звучит непривычно.

Он сел и прочитал временную линию. На карточке отзыва было три звёзды. Марина видела пять, Анна — две. Текст у всех оставался одинаковым.

— Формула держится, — сказал Лев. — Пока предупреждение признают существующим, сообщение читается. Оценка показывает отношение, но не меняет факта.

Анна записала это как гипотезу, отдельно от уголовной версии.

Автономный принтер, отключённый от компьютера, зашевелил роликами. В лотке лежала копия страницы журнала со следом вырванной записи. Бумага втянулась внутрь и вышла обратно. Под продавленной строкой появились серые слова. Сетевой скан рядом остался без изменений.

Тихон открыл прозрачный файл, не касаясь текста пальцами. Анна прочитала: «Спросите, кто вернул коробки до звонка».

Глава 9. Разговор без памяти

Валентина Петровна помнила Сергея, пока держала листок со своей записью. Стоило положить его на стол, и чай без лимона превращался в чай с лимоном, цвет коробки исчезал, а о семнадцати минутах Валентина могла сказать только «потом». Анна наблюдала за этим уже третий раз и всё сильнее жалела, что назначила встречу до открытия кафе. За стеклом сотрудники готовили зал, Павел проходил мимо закрытой части каждые пять минут, а дочь Валентины Петровны следила за секундной стрелкой, заранее выбрав момент, когда прекратит опыт.

На листке было написано: «Сергей сидел у окна. Перед ним стояли две коробки. Он говорил с Павлом о наклейке». Каждую фразу Валентина Петровна составила сама до включения диктофона. Анна не называла ей ни партию, ни продукт, ни возможный аллерген.

Перед началом Анна ещё раз объяснила правила. Вопрос можно пропустить, а слово «стоп» завершит разговор. Дочь Валентины Петровны попросила добавить: после первой потери памяти никакие карточки больше не показывать.

— Добавим, — сказала Анна.

— И вы не будете убеждать маму, что она обязана вспомнить?

— Не буду. Нам нужен сохранённый факт, а не подходящий ответ.

Валентина Петровна попросила записать и это. По её словам, вежливые обещания забываются особенно быстро.

Оксана утром сообщила, что сможет приехать в ОПЧ только к полудню. Второй накопитель она обещала привезти лично. Анна ответила одним словом: «Ждём» — и не предупредила кафе.

— Пока лист у вас, расскажите, где стояли коробки, — попросила Анна.

— На соседнем стуле. Сергей одну держал на коленях, вторую поставил у стены. Ему мешал пакет, и он ворчал, что в приличном кафе гостю скоро придётся приходить со своим табуретом.

Дочь придвинула матери воду и напомнила: при первом недомогании они уходят. Валентина Петровна заверила, что ей пока только неприятно наблюдать, как собственная голова работает по расписанию заведения.

Лев сидел немного в стороне и отмечал время на бумаге. После вчерашнего разговора Анна попросила его не слушать вторые фразы без прямой необходимости. Он ответил, что просьбу услышал, а свой предел назовёт сам. Это было не примирение, но хотя бы честная формулировка.

Марина поставила перед свидетельницей три картонные карточки. На первой была нарисована белая коробка, на второй — коричневая, третью оставили без цвета. Валентина Петровна коснулась коричневой.

— Вот эта. Хотя верх у неё был светлый.

— Крышка?

— Наклейка. Большая, новая. Сергей подцепил её ногтем.

Анна попросила показать движение. Женщина провела ногтем по краю карточки и вспомнила, что под верхней бумагой была другая маркировка, темнее.

— Что на ней написано?

Валентина Петровна крепче сжала заметку.

— Не помню. Сергей сказал, что сверху наклеили миндаль. А под ним было другое.

Павел вошёл без стука и положил на стойку папку.

— Сколько можно мучить человека из-за обычного плохого отзыва?

Валентина Петровна моргнула. Коричневая карточка в её руке побледнела, словно несколько недель лежала на солнце. Ещё через мгновение рисунок стал серым. При этом женщина помнила Сергея и узнавала зал.

Анна спросила о цвете коробки. Валентина посмотрела на карточки и ответила, что они одинаковые. Дочь сразу поднялась.

— Всё. Мы закончили.

— Согласна, — сказала Анна.

Павел заявил, что всего лишь задал вопрос. Анна потребовала, чтобы он покинул закрытую часть зала: его присутствие влияло на состояние свидетельницы.

— Это моё кафе.

— Сейчас здесь проводится беседа. Выйдите.

— Вы внушаете ей события, которых она не помнит.

— Павел, выйди, — сказала Марина.

Он повернулся к сестре и заговорил о нарисованных коробках, подсказках и попытке объявить любую забывчивость магией. Марина выслушала его до конца.

— Не говори за Валентину Петровну. И за меня тоже не говори.

Павел замолчал, словно смысл дошёл не сразу.

— Я защищаю нас обоих.

— Ты защищаешь решение, которое принял без меня. Выйди.

Он забрал папку и предупредил, что после этого опыта ОПЧ придётся объяснять создание ложных воспоминаний. Анна предложила подать жалобу через канцелярию и напомнила, что до открытия осталось сорок минут.

Дверь закрылась. Лев отметил время. Изменилась только карточка, связанная с коробкой Сергея: на ней остался белый прямоугольник. Два контрольных изображения сохранились.

Анна проверила, что именно исчезло. Валентина Петровна по-прежнему знала, где сидел Сергей, помнила его чай и встречу с Павлом. Ушла только окраска коробки и связанная с ней наклейка. Когда Анна указала на место у стены, женщина сказала, что там стояла одна из упаковок, но описать её уже не смогла.

— Факт встречи остался, — сказал Лев.

— Потому что Павел назвал отзыв плохим, а не встречу выдуманной, — ответила Анна.
— Записываем как наблюдение, не как правило.

Анна выключила диктофон и сказала, что проверка окончена. Заметка принадлежит Валентине Петровне, поэтому решение о ней тоже принимает она.

— Если отдам, забуду?

— Я не знаю.

— Хороший у вас отдел. Очень успокаивает.

Анна предложила сделать копию, а оригинал оставить свидетельнице. Валентина Петровна согласилась и потребовала записать, что сама остановила разговор. Право прекратить опыт вернуло ей больше уверенности, чем объяснения о рабочей гипотезе. Она положила лист под автономную камеру, расписалась на копии и попросила дочь не стоять рядом с видом наследницы, которой сообщили неприятную сумму.

Лев принёс чай. Валентина Петровна проверила лимон.

— Сегодня без него.

— Запишите. Вдруг завтра окажется, что я его съела вместе с чашкой.

После перерыва Анна задала единственный вопрос, согласованный заранее: что Сергей сделал с наклейкой. Валентина Петровна держала заметку и отвечала, не глядя на карточки. Он приподнял угол и показал Павлу. Сверху было написано «миндаль», под верхней наклейкой виднелась красная полоса. Сергей сказал, что состав другой и гостей нужно предупредить. Конкретный продукт женщина не вспомнила. Павел обещал разобраться до открытия.

Анна сразу завершила беседу. Минимальный результат был получен: верхняя маркировка скрывала другую, Сергей требовал сообщить о замене, Павел слышал предупреждение. Подталкивать свидетельницу к арахису было нельзя.

Валентина Петровна убрала заметку в сумку и попросила больше не назначать ей встречи в восемь утра, когда память ещё не оформлена. Анна пообещала согласовывать время. Женщина ответила, что теперь Анна ей нравится, но ненадолго.

Когда посетительницы ушли, Марина подошла к стенду отзывов возле гардероба. В деревянной раме висели карточки гостей. Большинство хвалило медовик или жаловалось на тесные столы. Сергея в семейной выставке благодарностей не было.

— Здесь раньше висела его претензия? — спросила Анна.

— Отрицательные карточки снимали после ответа гостю.

— Где хранили?

— В кабинете. По крайней мере, должны были.

Марина провела рукой над нижним краем рамы. Одна планка отходила от стены сильнее других. За ней виднелся угол бумажного конверта.

Лев включил автономную камеру. Анна остановила Марину и осмотрела крепления. Один шуруп заменили коротким мебельным, поэтому рама держалась криво. Конверт был зажат между стендом и стеной. На лицевой стороне почерком Сергея значилось: «Претензия по партии 17-Б. Лично владельцам».

— Вы видели его?

Марина покачала головой. Претензии регистрировали через журнал в кабинете, но этот конверт туда не попал. Карточки снимал администратор смены, иногда Павел, если приезжал раньше.

Анна сняла раму вместе с креплениями. На стене остался прямоугольник чистой краски. Конверт был приклеен к обороту двусторонней лентой. Его не уронили: его закрепили так, чтобы он не выпал при уборке.

— Павел не стал бы прятать претензию за стендом. Это детский способ.

— Зато быстрый и не требует доступа к сейфу.

— Вы опять решили.

— Я описала способ.

Лев указал на дату. Сергей принёс претензию в день смерти, в 13:50. Под временем стояла подпись администратора о получении, регистрационного номера не было.

Анна поместила конверт в прозрачный пакет, не вскрывая. Для открытия требовалось пригласить Дарью: внутри мог находиться материал по возможному преступлению. Стенд тоже становился носителем отклика и материальной связью с незарегистрированной жалобой.

На обороте рамы виднелась полоса свежей пыли: стенд снимали после последней уборки стены. Двусторонняя лента сохранила отпечаток пальца, поэтому Анна не позволила Марине отделить конверт. На сетевом телефоне конверт выглядел пустым, автономная камера удержала надпись и дату.

— Даже бумага выбирает, кому показываться, — сказала Марина.

— Бумага ничего не выбирает. Мы пока видим только разницу носителей.

Марина возразила, что без стенда гости увидят пустую стену. Анна предложила повесить объявление о временном снятии. Скандал Павла ничего не менял: он уже обещал жалобу.

У плинтуса Марина заметила смятый уголок карточки и достала его пинцетом. На обрывке сохранились слова: «паста не та». Когда она прочитала их, на кассовом планшете появилась одна звезда.

Они положили стенд на два сдвинутых стола. Под нижней планкой обнаружили ещё три карточки. Две содержали обычные замечания об обслуживании. Третью подписал Сергей за неделю до смерти: он просил не использовать новую смесь без проверки маркировки.

Анна сравнила почерк с запиской в буклете. Совпадали характерная буква «д» и длинная перекида в «т». Это не заменяло экспертизу, но связывало тексты.

— Почему другие карточки остались? — спросила Марина.

— Отклик забирает связанные носители, — ответил Лев. — Остальные жалобы не пытались исключить из общей версии.

Марина долго смотрела на даты. Сергей предупреждал письмом, карточкой, официальной претензией и лично. Каждый раз его слова можно было назвать обидой бывшего поставщика.

Павел вернулся с адвокатом. Тот представился, потребовал прекратить действия до оформления основания и начал снимать стенд на телефон.

— Вы вскрыли стену кафе без согласия владельца, — сказал Павел.

— Стенд сняли с согласия Марины, — ответила Анна.

— Я дала доступ, — подтвердила она.

— Ты не понимала последствий.

Марина выпрямилась.

— Я понимаю, что за стендом лежала претензия Сергея. Не объясняй за меня.

Адвокат попросил говорить по одному. Лев отметил, что это первое разумное требование утра.

Увидев конверт, Павел на мгновение изменился в лице, затем обвинил ОПЧ в проведении психологического опыта без специалиста. По его версии, Валентине Петровне внушили события, а найденные материалы стали результатом заранее выбранной версии.

Анна объяснила, что свидетельница сама записала исходное воспоминание. Цвет ей не называли, аллерген не предлагали, после изменения состояния беседу прекратили. В уголовный материал передадут показания, запись опыта и конверт. Изменение карточки останется внутренним материалом ОПЧ.

— Я подам жалобу на методы отдела и потребую исключить всё, что вы получили сегодня.

— Подайте.

Павел ожидал возражений, но Анна уже оформляла передачу стенда с согласия Марины. Она вписала раму, крепления и конверт как единый объект. Марина поставила подпись.

— Ты вредишь кафе, — сказал Павел.

— Я пытаюсь понять, почему Сергей оставил четыре предупреждения, а до меня не дошло ни одного.

— Потому что он хотел вернуть контракт.

— Не говори мне, что я должна думать.

В зале стало тихо. Даже адвокат перестал диктовать замечания.

Анна передала Марине копию акта. Стенд вынесли через служебный вход, не открывая конверта. Павел пошёл следом и повторил, что жалоба будет подана сегодня.

— Укажите точное время, — попросил Лев. — У нас с минутами теперь строго.

Анна закрыла короб со стендом и поставила пломбу. На обороте рамы, там, где был приклеен конверт Сергея, проступила новая строка: «Претензию приняли до того, как убрали коробки».

Глава 10. Племянница с паролем

Оксана пришла в ОПЧ без второго накопителя и с порога призналась, что написала от имени Сергея два отзыва. Анна уже включила запись, Марина ещё не сняла пальто, а на столе лежал пустой пакет, приготовленный для носителя, которого не оказалось.

— Накопитель в безопасном месте, — сказала Оксана. — Сначала хочу понять, что вы сделаете с остальным.

Она обещала прийти и рассказать всё, но передачу устройства, по её словам, не обещала. Анна напомнила вчерашний разговор. Оксана ответила, что начинает с худшего для себя и этим выполняет главную часть договорённости.

Лев закрыл дверь и предложил всем сесть. Оксана выбрала стул ближе к нему. Марина устроилась у окна, положив телефон экраном вниз. Павла о встрече не предупредили, но это не делало Марину союзницей племянницы Сергея. Она приехала узнать, где закончились слова умершего и началась чужая месть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.